Переплеты в жизни

Автор:

Татьяна Устинова

Переплеты в жизни

Татьяна Витальевна Устинова

Татьяна Устинова. Первая среди лучших

«Потерять, разломать, не уследить, сделать недовольное лицо, зачитать приговор гораздо проще, чем сохранить, уберечь, сделать счастливое лицо и добиться помилования! Несчастливым и нелюбимым вообще быть проще, чем счастливым и любимым, ибо любовь и счастье – большая работа!» (Татьяна Устинова)

В сборник входят следующие произведения: «Тверская, 8», «Не оглядывающийся никогда», «Вечное свидание».

Татьяна Витальевна Устинова

Переплеты в жизни

© Устинова Т.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Тверская, 8

«У вас есть братья Карамазовы?»

«Достоевский в отделе русской классики, пойдемте, я покажу».

«Да не нужен мне Достоевский, девушка! Мне нужны братья Карамазовы, ну... то есть их произведения! Что это вы в книжном работаете, а не знаете, ей-богу! Они фантастику писали!»

«Я поняла. Вам нужны Стругацкие, а не Карамазовы. Братья Стругацкие».

«Да какая разница!»

Диалог в книжном магазине «Москва».

Утро началось не слишком хорошо.

Она приставала, а он все отворачивался. И договориться никак не получалось. Уж и времени почти не осталось, уезжать давно пора, а дело все ни с места.

– Ну, ладно, ну, что ты сердишься?! Я каждый день уезжаю, мне на работу обязательно нужно! Ты же знаешь!

Сопение, и больше ничего.

– Да ладно тебе! Чем дольше мы тут с тобой будем разбираться, тем позже я приеду, ты это хоть понимаешь?! Я бы давно уже уехала, и приехала бы пораньше, и мы бы с тобой гулять пошли. В поле. Вчера в поле не получилось, потому что дождь шел, а сегодня точно мы пойдем, я тебе обещаю!

Сопение и некоторое движение спиной, по крайней мере, видно, что слушает, – уже прогресс.

- Ну, давай скорей мириться, и я поеду.

1991 год

- Девчонки, танки!..

- Какие танки, что ты врешь!

- Да говорю тебе, танки на улице Горького! Прямо у нас под окнами! Не веришь, выйди и глянь сама!

Вмиг всех, кто курил на лестнице, где всегда почему-то был сквозняк, будто сдуло этим самым сквозняком, только каблуки зацокали по истертой каменной лестнице.

«Девчонки», от восемнадцати до пятидесяти пяти, сосредоточенно и перепуганно переглядываясь, устремились вниз.

Что такое? Неужели все-таки... Нет, про это и думать как-то страшно. Но неужели все-таки... переворот? Это значит... что? Это значит - гражданская война, что ли?! Вот тут, у нас, в Москве танки?!

В огромном торговом зале было пустовато - время смутное, не до книг, хотя именно в этом магазине всегда с утра до ночи толпился народ, с самого пятьдесят восьмого года, когда накануне праздника Великой Октябрьской социалистической революции «москвичам и гостям столицы был преподнесен подарок».

Пятого ноября пятьдесят восьмого года открылся книжный магазин «Москва».

Тогда любили приурочивать все на свете то ко дню рождения вождя мирового пролетариата, то к очередной годовщине Октября, когда этот самый вождь, хитренько улыбаясь - именно таким хитреньким и добродушным балагуром его почему-то изображали в кино, - взял, да и поставил на дыбы огромную империю. Империя на дыбы поднималась с трудом, оглядывалась, огрызалась, закусывала удила, косила налитым кровью глазом, с трудом дышала - этот, хитренько улыбающийся, ничего не боялся и знай себе подстегивал, натравливал,

интриговал, взывал, писал памфлеты, указывал пути развития, формулировал апрельские тезисы, то и дело ссылаясь на некоего Маркса с его теорией прибавочной стоимости. До Маркса, да и до прибавочной стоимости, империи с ее миллионами серых шинелей, крестьянами, куполами, Троицыным днем и дворянскими усадьбами не было никакого дела. Империя на дыбы поднималась тяжело, как будто предчувствовала страшное, почти невыносимое испытание, уже смутно рисовавшееся впереди в заревах пожаров гражданской войны, в грохоте расстрельных залпов, в столах свергаемых колоколов, в воплях детей и женщин.

Говорят, сам вождь, поначалу ничего не боявшийся и бодро призывавший захватить «почту, телефон и телеграф», замиритесь с немцами, удержать власть любой ценой, расшевелить, разбудить, расшатать устои, в тот момент, когда империя все же поднялась на дыбы, перепугался, да так, что решил было отыграть назад, да ничего не вышло, слишком поздно он спохватился!.. И ничего он не смог ни изменить, ни поправить и умер, говорят, в страшных мучениях, как и положено умирать злодеям, и вот теперь, спустя семь десятилетий, до чего дошло – до танков на московских улицах!..

Первой по лестнице скатилась товаровед Нина Иванушкина, навалилась на дверь, дергая кольцо кодового замка, который всегда почему-то заедало, и выскочила в торговый зал. Электричество горело тускло, и в помещении оказалось сумрачно, несмотря на то, что лето и середина дня. В магазине было странно тихо, и Нина прежде всего тренированным ухом расслышала эту тишину – никогда в торговом зале в середине дня не бывает тихо, если только магазин не закрыт!..

Непривычная тишина была только внутри, а снаружи, наоборот, доносился странный гул, как будто поезд метро, набирая скорость, мчался на станцию «Пушкинская» не под землей, а прямо по улице!

– Ну что там?

Нина оглянулась. Желтая канцелярская дверь с кодовым замком, ведущая в святая святых магазина, в подсобные и складские помещения, – а там материальные ценности, между прочим! – была распахнута настежь. Елена Семеновна, Клара Францевна, Лиза, Ирина Федоровна из бухгалтерии, выскочившие следом за ней, толпились на пяточке между прилавками, вытягивали шеи, как гусыни.

Марины среди них не было.

Нина оглянулась еще раз, чтобы удостовериться. Удостоверилась, что нет, и стала смотреть на улицу.

Покупатели тоже вытягивали шеи и медленно, как в кино, закрывали книги, которые листали, клали их на прилавки и шли к окнам – громадным полукруглым окнам-витринам, в которых к первому сентября обязательно вывешивали сделанные из картона и раскрашенные гуашью кленовые листья, а на Новый год расклеивали гигантские снежинки – очень красиво.

За полукруглыми окнами-витринами прямо по самой середине улицы, переименованной опять в Тверскую в прошлом году, деловито, страшно и шустро ползли танки.

Пятьдесят лет назад все газеты писали: «Сегодня гостеприимно распахнул свои двери новый книжный магазин на улице Горького. Символично, что дом книги получил прописку на улице, названной в честь великого пролетарского писателя. Огромные отделы, большие светлые залы, широкие прилавки – все к услугам москвичей и гостей столицы. Первыми пришли поздравить новый дом книги столичные пионеры и школьники. Специально для них здесь открыт большой отдел детской литературы. Радуют глаз многочисленные корешки книг с именами любимых писателей – Горький, Островский, Гладков, Кочетов. Специально для гостей из братских социалистических стран есть книги классиков марксизма-ленинизма на болгарском, чешском, польском, венгерском языках».

А сегодня по улицам мимо магазина пошли танки – свои, и это самое страшное!

– Господи Иисусе, – пробормотала за спиной у Нины старенькая Клара Францевна, – это что же такое будет, а? Война, что ли!

– Какая война, типун вам на язык!

– А у меня мальчишка один дома, как бы его не понесло куда-нибудь. Надо ехать. Девочки, как вы думаете, поезда еще ходят?

– Какие поезда?...

– Метро, какие же еще!

– Да туда сейчас и не пройдешь небось, к метро-то! Я с утра шла, там вовсю митинговали, а сейчас, наверное...

– Он ведь у меня такой, он ведь родину пойдет защищать! Нет, мне надо ехать, прямо сейчас.

– От кого защищать-то?

– Что?

– От кого родину защищать? Тут поди разберись, где свои, где чужие, от кого защищать, а кого...

– Что тут происходит?

Нина оглянулась и увидела директрису. Она стояла в некотором отдалении, и вид у нее был не слишком приветливый.

– Марина! Марина Николавна, танки!

– Я вижу. Почему дверь в подсобное помещение открыта, девушки? Танки танками, а материальные ценности никто не отменял. Во время инвентаризации недосчитаемся чего-нибудь, скажем – недоглядели, потому что на танки любовались?!

Ирина Федоровна из бухгалтерии пожала плечами и с мстительным видом захлопнула желтую канцелярскую дверь.

Марина, назначенная директором без году неделя, никому не нравилась и всех раздражала.

– Марина Николаевна, как вы думаете, война будет?

Тут повернулись все разом – и сотрудники, и покупатели – и уставились ей в лицо, как будто она знала нечто такое, чего не знает никто, и немедленно должна произнести речь, хотя того самого броневика, немало дел натворившего в истории, в торговом зале не наблюдалось!..

– Никакой войны не будет, – отчеканила Марина как ни в чем не бывало. – Ситуация в стране сложная, все об этом знают. Очевидно, танки вызвали, чтобы поддерживать порядок.

– А на Пушкинской сегодня с утра митинговали, не пройти было, – жалобно шмыгнув носом, сказала та самая сотрудница, у которой мальчишка был один дома. – А сейчас... что же? А если стрелять начнут?

– Не начнут, – так же уверенно сказала Марина, которая понятия не имела, начнут танки стрелять или нет.

– Мне домой надо, а поезда, может, уже не ходят...

– Если ваш дом не за Кремлевской стеной, вы прекрасно доедете, – уверила ее Марина.

– Как за стеной?... Почему за Кремлевской?

– Потому что танки идут вниз, к Кремлю.

Все посмотрели – и вправду вниз.

– Марина Николавна, можно мне домой, а? У меня сын...

– Ни за что не отпустит, – шепнула Ирина Федоровна из бухгалтерии Нине Иванушкиной. – Что ей там какой-то сын! Ей главное план выполнить!.. Хоть тут революция, хоть боевые действия, хоть дети плачут!..

– Езжайте, – громко сказала директриса. – Всех остальных прошу не паниковать и не пугать наших покупателей. Что вам показать? – внезапно изменив тон, обратилась она к тишайшему старичку в длинном летнем пальто. Старичок давно порывался о чем-то спросить продавца и как будто не решался.

- «Историю государства Российского» Карамзина. У вас есть, деточка?

«Деточка» Марина уверенной рукой взяла старика под локоток и повлекла к дальнему прилавку.

- Все меняется, - бормотал себе под нос старичок, - все меняется, и только люди во все времена остаются одинаковыми! Люди, их стремления и амбиции. Вы не находите, деточка?

- Да-да, - рассеянно подтвердила Марина, прислушиваясь к гулу за окнами.

Чего-чего, а танков никто не ожидал. Может, и впрямь нужно спастись? Распускать сотрудников, бежать по домам?... Забаррикадировать окна и двери сваленными в кучу стульями и столами?... Забить витрины фанерными щитами, как в войну?

И самое главное - что дальше? Как узнать?

Все получилось слишком быстро - Горбачев улетел в Форос, газеты писали нечто невразумительное, но тревожное, и с каждым днем это тревожное все нарастало, и каждый день казалось, что «вот-вот начнется», а что именно начнется, никто не знал. В воздухе, как будто перегретом истерическими выкриками газетных и телевизионных журналистов, носилось предчувствие чего-то страшного, непоправимого, но тем не менее необходимого, без чего дальнейшая жизнь уж точно невозможна.

Так жить нельзя, повторяли все, а как можно и должно - никто не знал.

В магазинах не было еды.

На заправках висели объявления «Бензина нет совсем», потому что растерянные мужики, просителью нагибаясь к окошечкам и услышав, что «бензина нет», неизменно спрашивали: «Совсем?!»

В программе «Время» объявили, что в Московской области хлеба осталось на три дня, а в Ленинградской на два.

Окраины империи полыхали, и было совершенно очевидно, что вот-вот прорвется именно там, где тонко, что деловитый националистический огонь не сегодня завтра пережжет спайку, сделанную тем самым балагуром-вождем семь десятилетий назад. «Пятнадцать братских республик» в один день перестанут быть братскими, благополучный фасад треснет, и едкий отвратительный дым, именуемый «национальная рознь», повалит из всех трещин. Бывшие братья – впрочем, республики именовались и так, и сяк, и «сестрами» и «братьями», – начнут воевать друг с другом за все, что угодно: за кусок границы, через которую идут грузы, за газопровод, за ближайшую сопку – вдруг там золото или нефть?!

Все удельные князья, даже самые далекие и бедные, вдруг почувствовали себя императорами. Вдруг оказалось, что они «угнетенные», а «угнетатель» в одночасье ослаб, ткну и развалится!.. Может, до конца и не развалится, но дырка точно будет. И оказалось, что тыкать можно, что за это никто не накажет, не даст по рукам, гигант едва держится на ногах, а из дырок хлещет кровь, и тело его, еще недавно казавшееся прочным, как чугунный монолит, с каждым днем все слабеет и все больше напоминает решето!..

Повсюду были угрюмые лица, горящие глаза, и все говорили – не только на кухнях и на работе, но и на митингах – только об одном: что дальше?

Никто не знал.

Голод? Революция? Гражданская война?

Митинги в последнее время стали таким же привычным и обыденным делом, как и очереди. Только на митинги бегали с гораздо большим энтузиазмом и рвением. Они проходили повсюду: на площадях, возле станций метро, в скверах и парках. Впрочем, очереди тоже напоминали митинги. Там волновались, шумели, выкрикивали лозунги, один нелепее другого. Деньги и в карманах, и в бюджете таяли, как сахар в чашке с чаем.

Книжный магазин «Москва», смотревший огромными окнами-витринами на улицу Горького, казался осколком «старого мира» – там все так же светили лампы дневного света, казавшиеся когда-то последним достижением дизайна, все так же поблескивали полированные темные прилавки, все так же было набрано золотыми буквами «Общественно-политический отдел», все так же пахло

книжной пылью и слежавшейся бумагой. Даже синеватое, как прокисшее молоко, пятно на потолке, которое получилось, когда торговый зал залило кипятком из прорвавшейся трубы, казалось успокоительным и каким-то... своим.

Читателей, правда, стало маловато. Время такое, не до книг. Впрочем, и книг-то никаких не было. То, что читали раньше, во времена застоя, казалось до невозможности глупым и каким-то «нежизненным», и было даже стыдно немного, что еще недавно пьеса про то, как на заводе делят премиальные, считалась верхом фрондерства и гражданского мужества.

Коричневый томик Булгакова, тиснутый в Минске на заре перестройки, разлетелся за считанные часы. В томике было всего два произведения – «Мастер и Маргарита» и «Белая гвардия», – и ошалевшие от счастья читатели хватали книгу, как хлеб. И, как в очереди за хлебом, пришлось установить порядок, давали по одной в руки. И все равно торговали только полдня, и книги кончились.

В издательствах не понимали, что происходит. Вроде бы все нынче должны работать «по-новому», а как именно, никто не знал.

Система рухнула. «Москнига», альфа и омега книжной торговли, огромная и всеильная организация, оказалась не у дел, и люди, годами учившиеся, как продавать книги, вдруг почувствовали себя ненужными и растерянными.

Никто никому ничего не мог объяснить.

Что значит работать «по-новому»? Печатать и продавать то, что на самом деле нужно и интересно народу, и это вовсе не книги пролетарского писателя Горького на языке братского болгарского народа?! Но поверить в то, что на самом деле можно все, до конца еще никто не мог.

Что, и Довлатова можно?! И Веничку Ерофеева?! А Шаламова?! Шаламова-то уж наверняка нельзя!.. И Аксенова нельзя, он в Биаррице живет!

Самое ужасное, что и спросить-то было не у кого!.. Идеологический отдел КПСС находился в коме, а сама идеология вроде как умерла совсем, и только грозный призрак ее нависал над издательствами, совершенно потерявшимися в пыльных облаках исторического слома.

«Иностранка» попробовала напечатать Борхеса отдельной книжечкой, на сером газетном срыве, и прошло!.. Ну, тогда – господи, твоя воля, – Кастанеду, и тоже прошло!.. Тут выяснилось, что иностранцев нужно переводить, многих заново, ибо права на переводы принадлежат государству, а государство в одночасье стало ни при чем, и дело застопорилось.

Издательство «Новости», состоявшее при АПН, зажмурившись и гикнув «была – не была!» – выпустило Дика Френсиса, который раньше выходил только в правильно подобранных сборниках – сто пятьдесят страниц детектива румынского, сто пятьдесят страниц детектива польского, а в середине семьдесят про жокеев, лошадей, загородные дома и пятичасовой чай. Притихнув и заложив уши, издатели долго ждали разгона, и когда его не последовало, расхрабрились и бабахнули Тома Клэнси с его историями о бравых ребятах – церэушниках и их победах над коммунистическими режимами то ли Лаоса, то ли Вьетнама. Тома Клэнси раскупили моментально, но продолжать в том же духе не получалось, потому что полиграфкомбинаты и типографии стояли – не было бумаги, краски, картона, и то, что вчера стоило сто рублей, сегодня продавалось уже за пятьсот, а завтра даже за тысячу!..

Книг почти не было, а те, что были, издатели норовили продать перекупщикам, лишь бы быстрее, лишь бы деньги не сожрала инфляция, какие уж тут книжные магазины!..

Страну шатало из стороны в сторону, как корабль во время шторма, и казалось, что вот-вот завалит окончательно, что вот этот крен она уж точно не переживет, захлебнется и пойдет ко дну, но медленно, с натугой и скрипом, она выравнивалась, только для того, чтобы завалиться на другой борт, с еще большим креном.

Всех колотило как в лихорадке, и только в книжном магазине «Москва» все так же горели лампы, сиял золотыми буквами «Общественно-политический отдел», и даже пятно на потолке казалось родным и привычным свидетельством прошлой «нормальной» жизни.

А магазин между тем тоже лихорадило, да еще как!..

Новая директриса, назначенная без году неделя, никому не нравилась – слишком молода, слишком требовательна, фамильярностей не терпит, не подступишься к

ней!.. И хочет невозможного – чтобы план выполнялся, да еще в срок, а какой тут план, когда того и гляди все рухнет, покатится и не остановишь?! Деньги все считает – на западный манер, должно быть, – и понимать не хочет, что люди к этому непривычные, что все должно идти как заведено, что бухгалтер на любом предприятии если не первый человек, то уж точно второй, от него ох как много зависит!.. А новая директриса только требует как одержимая, а про бухгалтерию однажды выразилась неприлично!..

«Сонное царство», вот как она выразилась про бухгалтерию!

– Надо уходить, – внушали друг другу в курилке на лестнице «девочки» от двадцати пяти до пятидесяти восьми лет, и со страху курили короткими нервными затяжками, и все оглядывались на темный провал короткого коридорчика. Там, в глубине, было логово львицы – кабинет новой директрисы. Туда вызывали «на ковер», там формулировали какие-то небывалые задачи, и все требовали, требовали!..

Нет, девчонки, надо уходить, так больше продолжаться не может!..

Только вот куда уходить-то?! Все рухнет, рухнет, да и работали здесь, в магазине «Москва», годами и десятилетиями и до тонкостей знали тот книжный мир, который был «до», и даже представить себе страшно, каким он будет «после»!..

И вот сегодня танки пошли мимо их магазина, и неизвестно, пускают ли еще в метро, и телевизор, кажется, больше не работает, а это может означать только одно – все, конец света! А директриса первым делом, конечно же, про материальные ценности вспомнила и открытую настежь дверь в служебные помещения, и сама за чудным покупателем, не вовремя возжелавшим «Историю государства...», зачем-то взялась ухаживать, как будто ничего такого не происходит!..

– Света, – сказала директриса твердокаменным голосом, подводя старичка к прилавку, – Карамзин у нас точно должен быть. Покажите, пожалуйста.

Большеглазая, хрупкая и бледная Света как будто молилась, стиснув на груди худенькие ладошки. Когда подошла директриса, она, сделав над собой видимое усилие, оторвалась от танков за окном и прошептала с ужасом:

– Что будет? Что же это будет, Марина Николаевна?

– Все обойдется, – громко и уверенно сказала Марина. – Карамзина дайте, пожалуйста.

– Ка... Карамзина? – запнувшись, переспросила Света, словно первый раз в жизни услышав такую диковинную фамилию. – Марина Николаевна, но... танки же!

– Танки – это не наше дело, – отрезала Марина. – По крайней мере, пока мы еще на работе. Наше дело как раз Карамзин. Света, вы меня слышите?

Новая директриса практически с первого дня запомнила всех многочисленных сотрудников по именам, даже грузчиков, даже уборщиц!.. Как ей это удалось, так и осталось загадкой. Старенькая и душевная Татьяна Викентьевна, чье место заняла молодая и твердокаменная Марина, все время путалась, хотя проработала в магазине без малого двадцать пять лет!..

– Карамзин, – повторила Света, как зомби. – Поняла.

И с тоской оглядела полки, словно не в силах вспомнить, где именно стоит этот самый неизвестно кому понадобившийся Карамзин.

– Да, деточка, – прошелестел старичок, обращаясь к Марине, – нелегко, нелегко, а что поделаешь? Никогда история государства Российского не была простой и приятной, и это надо понимать. Но ничего, ничего, и на этот раз обойдется, я уверен!

Марина, которая почти не слушала, бегло ему улыбнулась.

– Я вот с шестьдесят первого года живу здесь, и книжный этот, можно сказать, мой родной, и дети мои тут выросли, и буквари здесь покупали, и учебники, и по подписке Достоевского получали, все, все было!..

– Вы живете в этом доме?

– Да, деточка, я же и говорю! Жена давно умерла, дети... дети что же? У них свои дети уже взрослые, забот полно, не до стариков, и это понятно!

– Вот, – с тоской сказала продавщица и плюхнула на прилавок толстый томище. – Вот Карамзин! Марина Николаевна, что с нами будет, а?...

Марина оглянулась на сотрудников, которые так и не разошлись, только придвинулись ближе к окнам, за которыми все ползли и ползли танки, на немногочисленных покупателей и сказала очень решительно, на весь отдел:

– Магазин будет работать, как обычно. Ничего ужасного не происходит, по крайней мере здесь, у нас. Всеобщая мобилизация пока не объявлена, насколько я знаю. – Она еще раз окинула взглядом отдел и добавила погромче: – Но от окон все же лучше отойти!

Сотрудники, как перепуганные мыши, проворно побежали по своим местам, а старичок, листавший Карамзина, аккуратно закрыл книгу и проговорил тихонько:

– Шуйский являлся одним истинно великодушным в мятежной столице...

Марина посмотрела вопросительно. Она думала, что нужно бы собрание быстренько провести и всех, у кого дети, отпустить по домам, а тех, кто паникует, успокоить или, наоборот, приструнить.

– Что вы сказали?

– А это как раз вот... из Карамзина. Вам ведь, пожалуй, потруднее, чем нам, деточка. Вы за людей отвечаете и за книжный! Наш любимый книжный... – любовным взглядом он обвел глазами полки, застеснялся, вытащил огромный белоснежный носовой платок и деликатно высморкался.

– Вы Карамзина будете брать? – спросила Света. – Тогда в кассу...

– Нет, нет, – спохватился старичок, – благодарю вас! Конечно, у меня есть «История государства Российского», и даже в разных изданиях!.. Вы... простите великодушно, я ведь просто так зашел. Привычное и постоянное всегда

поддерживает, во всех жизненных коллизиях, а нынче без поддержки трудно.

Под вечер стало еще... труднее.

Нина и Лиза из отдела политической литературы бегали на Пушкинскую, но к метро было не пробраться, на площади шел митинг, волновалась многотысячная толпа, шумела угрожающе, и до «Известий» было не добраться, а именно там, в окнах, вывешивали самые свежие новости и можно было узнать, что происходит.

Танки стояли под окнами магазина, на броне сидели растерянные и в то же время любопытные мальчишки-танкисты, болтали ногами, и было непонятно, надо ли их бояться, этих мальчишек, или по-прежнему «Красная армия всех сильней» и они... свои.

Впрочем, где свои, где чужие, было не разобрать.

На собрании Марина объявила, что магазин не закроемся.

Ирина Федоровна, главный бухгалтер, фыркнула и повела плечом, и следом за ней фыркнули и повели плечами все остальные сотрудницы бухгалтерии.

– А зачем это нужно? – громко спросила Ирина Федоровна. – Чтобы нас тут всех танками передавили?

Марина помолчала. Противостояние с бухгалтерией началось с первого дня ее работы в магазине и нынче только обострилось.

– Если мы сами не будем под танки кидаться, – сказала она неторопливо, – никто нас не передавит.

Впрочем, она все понимала. Такой уж понятливой уродилась.

Людям трудно принимать и понимать новое, каким бы оно ни было, особенно в этой стране, где с молоком матери всасывалось сознание того, что все перемены к худшему. Иначе и быть не может!..

Если денежная реформа, значит, все останутся нищими.

Если новая конституция, значит, отнимут все права.

Если новый уголовный кодекс, значит, опять начнут сажать.

Марина прекрасно помнила, как ее ленинградская бабушка, собирая отца-военного в очередную командировку, все приговаривала: «Ничего, Коленька, ничего, лишь бы не война!»

Войны боялись больше всего даже те, кто, как Марина, родился спустя десятилетия после ее окончания. По сравнению с войной все несчастья, все неудобства, вся подлость жизни казались сущей ерундой.

И вот танки за окнами. Это что ж такое? Все-таки война?!

Вирус истерии, носившийся в воздухе, отравлял всех – и бухгалтерию тоже! Все сопротивлялись неизвестно чему, просто потому, что сопротивлялись, всем казалось, что задуманные новым директором перемены – к худшему, что нужно спасаться самим и спасти старое и понятное, а не заводить ничего нового.

А Марина как раз собиралась «заводить»!..

– Мы будем работать, – твердо сказала Марина, – по крайней мере, пока есть такая возможность.

– А вы уверены, что такая возможность есть, Марина Николаевна? – язвительно спросила бухгалтерша, и все ее сотрудницы тут же скроили язвительные мины.

Марине, которая все замечала, стало смешно.

– Уверена.

Ни в чем она не была уверена, но знала совершенно точно – тот, кто стоит «у руля», не может быть растерянным и подавленным. Руль есть руль, это Марина усвоила еще со студенческих времен, когда лихо гоняла на «Яве». Мотоцикл у нее был старенький, заслуженный, и она его очень любила. Он научил ее простым правилам: всегда держаться за руль, всегда смотреть не только

вперед, но и под колеса, никогда не снижать скорость – двухколесная машина держит равновесие только на скорости! – и сворачивать от препятствий куда угодно, только не на встречную полосу.

Выедешь на встречную, погибнешь. Собыют. А на своей мы еще посмотрим.

В данный момент Марина была на «своей полосе» – в своем магазине, среди своих сотрудников, среди своих книг!

Только беда в том, что здесь ее не считают своей!.. Она пришла извне, из всесильной «Москниги», она была просто «чиновник», а это слово было ненавистным всегда, еще со времен Николая Михайловича Карамзина!..

– Вот вы, Марина Николаевна, на себя такую ответственность берете, – продолжала боевая Ирина Федоровна, чувствуя молчаливую поддержку всей бухгалтерской братии, впрочем, там работали сплошь «сестры», – магазин не закрываете, а у нас наличность, между прочим!.. Что будет, если инкассация не придет? Выручку в сейфе оставим?

– А велика ли выручка? – осведомилась Марина.

Ирина Федоровна немного увяла.

– Да какая бы она ни была, есть правила...

– Сколько?

Сумма оказалась смехотворной, как и предполагала Марина. В стране революция, не до книг!.. Все, работавшие в магазине, прекрасно знали, сколько выручали раньше, до всех событий, и теперь смотрели на директора обиженно, будто заранее готовясь к упрекам, что так мало наторговали.

Марина не сказала ни слова.

– А если сюда ворвутся, что мы будем делать? На охрану надежды никакой нет, это не охрана, а полтора инвалида!.. И стрелять нам не из чего.

– Нам не придется стрелять, – Марина обвела глазами растерянных женщин, – это книжный магазин, а не склад оружия. Зачем к нам врываться? Пока нет никаких особых распоряжений, мы будем работать, а там посмотрим.

Она с детства любила книжки. Это были ее главные сокровища, даже не куклы и не машинки, которые она тоже очень любила. Однажды в школу приехал фотограф из «Пионерской правды», и все долго бегали, суетились, выискивали подходящих детей и подходящие планы – шутка ли, главная детская газета страны!.. В конце концов, сфотографировали Марину – она читала что-то октябрятам из своей «звездочки». Так и осталась фотография, на которой она, маленькая, важная, в бантах и надетых по случаю прибытия фотографа белых колготках – дома был страшный скандал, она решительно отказывалась от бантов и колготок и редела громко, басом, – читает толстую книгу с картинками!..

Она с детства любила книжки и была уверена, что там есть все, что нужно, и даже в эту минуту книжки ей помогли.

В конце концов, она точно знала – именно из книжки! – как поступил Черчилль, когда в Англии, измученной немецкими налетами, бомбежками и голодом, началась паника. Все ждали речи премьер-министра, готовились к ней, строили предположения – может быть, уже пора сдавать остров на милость победителей? Или, наоборот, премьер призовет всех сражаться до последней капли крови, и это будет означать, что враг вот-вот высадится в Лондоне? Или призовет потуже затянуть пояса, потому что еды с каждым днем становится все меньше, а изоляция все плотнее?

Черчилль не сделал ни того, ни другого, ни третьего.

Он произнес в парламенте речь, суть которой сводилась к тому, как именно должны блестеть пуговицы на мундирах королевских гвардейцев. Премьер подробно растолковал нации, уставшей, испуганной, замученной войной и ожиданием чего-то еще более страшного, свой взгляд на этот вопрос.

Нация, придя в себя от изумления, сообразила, что речь шла вовсе не о пуговицах.

Все не так страшно – вот что сказал премьер. Раз мы можем толковать про пуговицы, значит, жизнь еще не кончилась. Значит, несмотря на бомбежки, карточки и комендантский час, рано сдаваться! У нас еще есть время поговорить о пуговицах, а там посмотрим!

Говорят, даже Гитлер, тоже с нетерпением ожидавший речи британского премьера, прослушав про пуговицы, преисполнился к Черчиллю величайшим уважением.

Марина, хоть и не была Черчиллем, поступила точно так же.

– И вообще, – завершая собрание, сказала она, – нам предстоят большие перемены. У нас в потолке дыра, половина ламп не горит, а на складе, это все знают, стена в таком состоянии, что ее приходится доской подпирать, чтобы не упала. Впереди большой ремонт, и нужно подумать, как его провести без ущерба для магазина. Потому что закрываться на несколько месяцев мы не будем.

Сотрудники разом зашевелились, как в детской игре по команде «отомри». В слове «ремонт» было что-то привычное, знакомое, нестрашное – в общем, из той, прежней, нормальной жизни.

Ремонт хоть и хуже пожара, но точно лучше танков!..

– Какой ремонт? – заговорили все хором. – И как это, магазин не закрывать?

– А как же? Частями, что ли, делать?!

– Да тут никакой ремонт не поможет, дому сто лет в обед, проводка вся наружу висит, как еще пожара ни разу не было, удивительно!..

– А на складе не только стена, там подмокает с левой стороны! Может, и стена пошла, потому что труба сифонит!..

– У нас и сметы нет на ремонт, – выдала Ирина Федоровна громко. – А в обход, противозаконно я ничего делать не буду!..

– Никто ничего не будет делать противозаконно, – возразила Марина, на самом деле чувствуя себя Черчиллем.

Прием сработал безотказно. Все, кто еще пять минут назад собирался воевать и боялся танков, увлеченно обсуждали ремонт. Разумеется, идея никому не нравилась, разумеется, все были против, но так или иначе говорили... о будущем.

Приготовления к преждевременной героической кончине как-то сами собой были отложены.

Что и требовалось доказать.

Пока сотрудники шумели, выражая недоумение, неудовольствие и непонимание, Ирина Федоровна переглядывалась с Еленой Семеновной, и ничего хорошего Марине их переглядывания не сулили.

А впрочем, черт с ними!.. Все равно никто не заставит ее отступить.

Все августовские дни магазин действительно работал, и девочки от двадцати пяти до пятидесяти восьми лет каждый день исправно являлись на службу, и дежурили возле окон, и утешали немногочисленных растерянных покупателей, и грели в ведрах чай, потому что мальчишки-танкисты, все-таки оказавшиеся своими, очень хотели есть. Дать поесть им было нечего, а насчет чая директриса распорядилась, выдавали его без ограничений.

Революция в стране постепенно затихала, и никто не знал, когда именно она разгорится снова. Вроде бы демократия победила, и вроде бы «здоровые силы» взяли верх, хотя все еще не было до конца определено, и достигнутое равновесие казалось слишком шатким.

Как раз когда внешняя революция приостановилась, в магазине случилась революция внутренняя.

В конце августа вся бухгалтерия в полном составе подала заявления об уходе. Решительная Ирина Федоровна, ни в чем не согласная с директрисой и ее «новым подходом», принесла заявление первой, а за ней потянулись все

остальные.

В темном коридорчике, за желтой полированной дверцей, Марина подписывала заявления одно за другим, никого не уговаривая.

Все понимали – это конец.

Завтра магазин «Москва» придется закрыть, по крайней мере, до тех пор, пока не удастся уговорить Ирину Федоровну вернуться обратно – и подсчитать балансы, и свести дебет с кредитом, и дописать отчеты, и выдать зарплату, и сдать выручку, и принять инкассаторов.

А может быть, даже придется закрыть магазин сегодня!..

Все понимали – такой огромный книжный не может ни дня существовать без грамотной и опытной бухгалтерии.

Значит, все-таки есть силы страшнее танков и революций. И называются они – бухгалтерия?!

2

«Где у вас отдел русского фольклора?»

«А какое именно произведение вам нужно?»

«Вот как раз фольклорное и нужно, девушка!»

«Но какое именно? Сказки? Былины?»

«Не-ет, не сказки и не были, а песня!»

«Какая... песня?!»

«Так, сейчас посмотрю. Мне нужно фольклорное произведение „Песня о вещем Олеге“! Есть у вас?»

Диалог в книжном магазине «Москва».

– Марина Николаевна, в час приедут из мэрии, привезут телевизионщиков.

– Зачем еще?

Помощница позволила себе улыбнуться.

– Они вчера звонили, довольно поздно, я не стала вам перезванивать. Сказали, что делают сюжет ко Дню города, а у нас... у нас образцовый книжный магазин! Ну, они и приедут его снимать.

– В час?! У нас в это время всегда народу много, как же они будут снимать? И так теснота страшная!

– Зато магазин образцовый! – Тут помощница засмеялась в голос. – Это они похвалили, а не я хвалюсь, Марина Николаевна!

– Хорошо, что не ты, Ритуля!

– А вечером и утром народу еще больше, так что лучше пусть днем придут.

– Хорошо, в час мэрия и телевизионщики, а дальше что?

– В три издательство «Слава».

– А кто приедет? Сам Слава Волин?

– Да, генеральный. Он не один, с ним еще человек из Совета Федерации. У них новая программа развития чтения в России, и они хотели бы ее с вами обсудить.

– Вот так с ходу – бах, и программа развития чтения в России?!

Помощница Рита выложила на стол перед Мариной две увесистые папки.

Марина покосилась на них с некоторым недоверием.

- В левой программа, которую разработали два года назад, но тогда она так и не пошла. А в правой новая, ее прислали от Волина. Я ее посмотрела, и мне показалось, что она совершенно не отличается от той, которую вы представляли в РКС.

Марина была еще и вице-президентом Российского книжного союза.

- Так, - сказала она и открыла папку. - Это уже интересно.

- Да, Марина Николаевна. В три приедут из Медведкова, Надежда Георгиевна звонила. У них какие-то вопросы. Говорят, без вас не могут решить.

В Медведкове был огромный филиал, книжный магазин, которым Марина очень гордилась.

- А по телефону не могут?

- И по телефону не могут, обязательно лично.

- Лично так лично. А потом?

Тут Рита опять засмеялась.

- Потом у вас обед. Примерно минут пятнадцать, если только Надежда Георгиевна не засидится.

- Да ну тебя, Рита, - сказала Марина и тоже засмеялась. Они работали вместе много лет, понимали и ценили друг друга. - Какой еще обед?!

- В пять встреча с писателем Анатодем Гроссом. Звонил его издатель, очень просил, чтобы вы его лично встретили, Марина Николаевна! Сказал, что будет сегодня в течение дня звонить, видимо, хочет еще и сам просить! Вас

соединять?

– Да, – помедлив, сказала Марина. – Да, конечно.

История с писателем Анатодем Гроссом – в прошлой жизни его звали Толя Грищенко – началась довольно давно.

Толя Грищенко, в девяностые годы начинавший как неплохой детективный автор, лет десять назад уехал в Америку и там окончательно понял, что настоящая жизнь есть только в России, а в Штатах все скучно, тускло, фальшиво и вообще простору мало. Из детективщиков он переквалифицировался в создателя эпических произведений, которые на Западе так и не пошли, несмотря даже на то, что псевдоним у Толи был весьма европейский, а европейские авторы – и псевдонимы! – в Штатах традиционно уважались. Из тусклой и фальшивой Америки Толя по непонятным соображениям все же уезжать решительно не желал и именно оттуда бомбардировал отчизну «нетленкой». Здесь его издавали и даже продавали, однако в авторы первой десятки он так и не вышел, и его это, по всей видимости, огорчало.

Марина помнила его разухабистым мужиком, любящим закусить холодную водку сальцем с лучком и черным хлебом и под это дело порассуждать о скорбных делах, творящихся в отчизне, о гибели литературы как таковой и писателей как писателей. Детективы при этом он строчил будто из пушки и очень обижался, когда маститые и увенчанные лаврами литераторы называли его произведения «мусором» и «чтением для метро и сортиров». Толя Грищенко, еще не будучи тогда Анатодем Гроссом, заводился с пол-оборота, кричал, что эти самые писатели так ничего стоящего и не создали, а все написанное ими нужно отправить на помойку – и история уже отправилась, и именно туда! Наверное, если бы он продолжал строчить детективы, то прославился бы и вышел в авторы «первой десятки», чего ему очень хотелось, но Толю подкосила очень русская страсть – к мессианству. В конце концов, бедолага Толя уверился в том, что читиво для сортиров и метро действительно никому не нужно, и ударился в «высокое». Для начала он написал роман о гибели планеты – от экологической катастрофы, разумеется. Затем о том, что всех без исключения впереди ждет смерть – мысль не слишком новая и не слишком оригинальная. Про катастрофу еще кое-как прочитали, а про близость смерти почему-то решительно никто читать не захотел, и тогда Толя написал роман мистический. Сей роман на весь мир его тоже не прославил. Дело в том, что доморощенная мистика была никому не интересна, а другую, не доморощенную, голливудскую, Толя писать не умел,

да и к тому времени она уже была написана – Стивеном Кингом и Дином Кунцем, которые, по определению, умели это делать лучше Толи. Тогда пришлось перейти на создание эпохальных и эпических полотен, что Толя и сделал.

Зато в Штатах ему удалось обзавестись свежей американской женой, недавно прибывшей в Новый Свет из Старого, то есть из города Киева. Американская, бывшая киевская, жена родила Толе малютку, что явилось для него некоторым образом потрясением – Толя к моменту отбытия за океан был не слишком молод, а к рождению малютки уже решительно не молод, и заботы о благосостоянии семейства поглотили его целиком.

Благосостояние семьи в Америке полностью зависело от того, как продаются Толины книги в России, в том числе и в книжном магазине «Москва», где Толя собирался нынче общаться с поклонниками.

По причине давнего знакомства придется Марине Николаевне встречать Толю «лично», как выразилась помощница, а Марине не слишком этого хотелось.

Рита продекламировала расписание до конца. Марина почти не вслушивалась, потому что знала – если она что-то забудет или упустит, помощница непременно напомнит и непременно вовремя, и день покатился как снежный ком с горки, набирая обороты и обрастая непредвиденными обстоятельствами, срочными делами и вовсе не запланированными встречами.

Телевизионщики приехали, ясное дело, с многочасовым опозданием, как раз когда в магазин валом повалил народ и в тесных, уставленных книгами от пола до полтолка залах стало совсем не протолкнуться.

Рита заглянула в кабинет, как раз когда Марина разговаривала по телефону с издателем Анатоля Гросса.

– Да ты пойми меня правильно, Андрей Андреевич, – очень убедительно говорила Марина, а Рита гримасничала в дверях. – Дело не в том, что мы плохо относимся именно к твоему автору! Просто он, как бы это сказать... не наш автор. Он у нас почему-то всегда плохо продается!

Издатель, осведомленный о том, что Гросс продается плохо, тем не менее был абсолютно уверен, что Марина Леденева может продать кого угодно и в любых

количествах и если не продает, то только потому, что ей неохота, настаивал на личной встрече, но делал это с осторожностью. Он точно знал, что на Леденеву нельзя давить. Все решения она всегда принимает сама и в соответствии со своими собственными взглядами на жизнь.

- Ну вот есть авторы, которые у нас не идут никогда, и Гросс как раз из тех, кто не идет!

- А кто у вас хорошо идет?

Марина улыбнулась ангельской улыбкой. Хорошо, что издатель ее не видел.

- Вот Памук хорошо идет. Паоло Коэльо. Хмелевская, из тех, кто полегче.

- Паму-ук, - протянул издатель, не уловивший никакой иронии, - так он же этот... как его... нобелевский лауреат!

- Вот именно, - согласилась Марина, - и тем не менее продается хорошо. Ты сам знаешь, нобелевских лауреатов никто, кроме Нобелевского комитета, как правило, не читает.

- Марина Николавна, ты меня без ножа режешь! Ну, что тебе стоит, прими ты нашего автора, хоть он и не Памук! А то ведь обидится, выйдет история с географией, ты этих творцов лучше меня знаешь!

- Ну, положим, я не знаю. Откуда мне знать, я просто книгами торгую!

Тут Андрей Андреевич кинулся льстить, славословить, рассказывать, какая она прекрасная, как отлично во всем разбирается, хоть бы и в психологии творцов, и она быстро его остановила. Лесть Марина никогда не любила.

Рита все маялась в дверях.

- Хорошо, Андрей. Я приму его, конечно, только народ от этого все равно не соберется, я тебе точно говорю!.. Если его утешит свидание со мной, я готова.

– Вот спасибо, Марина Николаевна! Вот спасибо! Я бы не стал к тебе приставать, но на самом деле вся надежда только на тебя, а без... – завел издатель, и Марина, прикрыв трубку ладонью, снизу вверх вопросительно кивнула Рите.

– Что?

– Они просят пару залов освободить от людей, – выдала Рита. Глаза у нее смеялись.

– Кто?!

– Телевидение. Им камеры негде ставить. Они говорят, что толпу уже сняли, и теперь им нужно полки и интервью с вами, а они не могут, потому что народу битком!

– Андрей Андреевич, прости, мне надо с телевизионщиками разобраться, – сказала Марина в трубку, – до свидания.

– Ну, что? Закрываем, Марина Николаевна? – спросила Рита.

– Да они с ума сошли, что ли?! Как можно в разгар дня два зала закрыть?!

– Я и говорю, что не можем, но они и слушать ничего не хотят. Они же с телевидения!

– Ну да, – с неопределенной интонацией согласилась Марина, – пойдем, посмотрим?

По узким и тесным коридорчикам, переходящим один в другой – в магазине «Москва» вечно не хватало места, экономили на всем, и особенно на директорских «покоях», – Марина выбралась к тяжелой металлической двери в торговый зал и распахнула ее.

Шум, гул, голоса, сияние ламп, витрин, стеклянных стоек, подсвеченных изнутри, море людей, как будто колышущееся между сияющими берегами. Марина стояла выше – лестничка в несколько ступенек вела во внутренние помещения магазина, – и ей с возвышения хорошо были видны входные двери, в

которые валил народ, и с этой стороны даже собралась небольшая очередь «на выход».

Никто не знал, как Марина любила эту самую толпу, втекающую в двери, как ценила, как радовалась каждый раз, что в ее любимый книжный идут люди, значит, все правильно, все хорошо, значит, усилия не пропадают даром!

Потеснив начальницу плечиком, Рита пробежала вперед, чтобы указать Марине дорогу. Телевизионщики были, ясное дело, в самом дальнем и людном зале, где продавались мемуары, беллетристика, детективы и новинки, и добраться до него, особенно в магазинный час пик, было делом непростым.

Возле настенного телефона, над которым висел яркий плакатик, призывающий «позвонить директору», маялся старичок в вылезшем кроличьем треухе, хотя в магазине было тепло, и порыжевшем пальтеце, напомнивший Марине кого-то из давнего и далекого времени. Узловатой рукой он держал трубку, дул в нее, время от времени отрывал от уха и рассматривал тоскливо.

Ясное дело, Марина возле него притормозила.

– Здравствуйте, – сказала она старичку громко, и тот воззрился на нее с удивлением. – Вы хотели что-то сказать директору?

Старичок испуганно приосанился, как школьник, которого собираются отчитывать.

– И хочу, и скажу! Вот тут написано, – и он наставил на яркий плакатик очки с толстыми, как будто выпученными линзами, которые все время держал в руке, – позвоните директору! Я и звоню. Только почему-то ничего не слышно.

Эти телефоны и плакатики придумала Марина, чтобы поддерживать связь с покупателями. Каждый желающий, недовольный или, наоборот, ошарашенный, мог позвонить и оставить сообщение. С прослушивания сообщений она начинала каждый рабочий день.

– Не слышно? – переспросила Марина.

Рита, убежавшая далеко и вернувшаяся за начальницей, моментально сняла трубку и послушала.

– Все слышно, Марина Николаевна. Просто там автоответчик, – объяснила она старичку.

– Но вы можете мне все сказать прямо сейчас, – объявила Марина. – Я и есть директор.

Вокруг шумела толпа, люди протискивались мимо, обремененные фирменными зелеными пакетами, в которые здесь упаковывали книги.

– Голубчик! – вскричал старичок, снова неуловимо кого-то напомнив. – Вас звать Марина Николаевна Леденева?

Марина кивнула.

– Что вы хотите мне сказать?

Старичок суетливо стал совать во внутренний карман пальто свои очки с захватанными стеклами и все никак не мог попасть. Вид у него был еще более испуганный.

Марина ободряюще пожала узловатую и холодную, несмотря на магазинную жару, руку.

– Голубчик, – заговорил старичок и откашлялся, – я, собственно, хотел всего лишь выразить вам... благодарность, если мне позволено будет это сделать... Видите ли, мы живем в этом доме, собственно, долгие годы живем, и вдруг, так неожиданно... Видите ли, вокруг все изменилось, и продолжает меняться, и не всегда в лучшую сторону, иногда так трудно приходится... Вот казино под окнами у нас открыли, прямо в переулке, и мы с тех пор почти не спим...

Марина слушала, не перебивая. Казино, вернее стриптиз-клуб, в переулке открыли уже лет десять назад, и Марина даже некоторое время воевала с резвыми ребятами, держателями заведения.

Рита, которая переживала, что телевизионщики сейчас наделают дел в самом людном и тесном зале, уже давно проявляла признаки нетерпения, а тут не выдержала.

– Я могу вас проводить в кабинет, и вы мне скажете все, что хотите сказать Марине Николаевне, а сейчас, простите, директор очень спешит.

– Нет, нет, зачем в кабинет, не нужно!.. – переполошился старичок. – Я, если мне будет позволено, просто хотел от всей души поблагодарить вас, голубчик! От себя и от Лели, Елены Самсоновны, супруги, и от всех нас!

Вот, ей-богу, Марина, всегда быстро соображавшая, никак не могла взять в толк, за что он ее благодарит. Кажется, старичок это понял. Он придвинулся поближе и понизил голос, словно сообщая некий секрет, не предназначенный для посторонних ушей:

– Мы все, все получили подарки! От вашего, то есть от нашего любимого магазина! Все ветераны и просто... – он поискал слово и улыбнулся, – и просто старики. К годовщине Октябрьской революции. Мы понимаем, революция – это нынче не модно, но что делать, вся жизнь прошла, и оказалось, что даром!.. А мы... мы, что же... Нам трудно привыкнуть... – Тут он спохватился и вскричал негромко: – Так что спасибо вам, голубчик, громадное спасибо!..

Марина кивала и улыбалась и еще раз напоследок пожала холодную старческую руку, а потом, увлекаемая Ритой, оглянулась. Вылезшая кроличья шапка мелькнула и потерялась в толпе.

Эти подарки старикам, живущим в доме, где помещался книжный магазин «Москва», придумал Маринин муж, сама бы она не догадалась.

– Марьюшка, – однажды сказал он озабоченно, – надо бы нам как-нибудь праздник устроить, ну, просто для пенсионеров!.. Ведь есть такие, которые в этом доме пятьдесят лет живут!

Митя всегда был чем-нибудь или кем-нибудь озабочен – стариками, жильцами, дальними знакомыми, которым требовалось сложное лечение, бабусей, живущей на соседнем участке, или собакой Цезарем, которая с утра плохо ела и делала скучное лицо. Неизвестно, как ему это удавалось, но, в конце концов, все

получали помощь – деньги находились, лекарство покупалось, бабуся обретала новый забор, а собака Цезарь непременно веселела.

Митя же и придумал, как поздравить... не обижая. Он собрал «заказы» – как когда-то, в советские времена, по которым старики так отчаянно и искренне ностальгировали. Самые настоящие, полновесные, «правильные» заказы! В картонной коробке были аккуратно уложены: твердая палка копченой колбасы, соблазнительная баночка красной икры, полголовы желтого сыра, увесистая пачка чая, плитка шоколада, растворимый кофе, бутылка шампанского, книжка из серии «Жизнь замечательных людей», календарь на следующий год и – в отдельном конвертике! – поздравительная открытка с кремлевскими башнями и звездами, а также купон на скидку в книжном магазине «Москва».

– Вот видишь, – хвастливо сказала Марина помощнице, гордясь мужем, – мы не догадались, а Матвей Евгеньевич догадался! И людям теперь приятно.

По ступенькам они перешли в следующий зал – магазин тянулся вдоль Тверской, смотрел на улицу огромными витринами, которые всегда внимательно и с любовью оформляли, и все залы «поднимались» вместе с улицей.

В зале было не протолкнуться, как на первомайской демонстрации в застойные времена. Станный пронзительный свет заливал книжные полки, и, только подойдя поближе, Марина поняла, что светит мощная лампа на длинной и тонкой черной ножке, которую, оберегая от толпы, придерживает худосочный и патлатый молодой человек, абсолютно телевизионного вида.

Телевизионные молодые люди решительно отличаются по виду от всех остальных молодых людей.

– Здравствуйте.

Парень дернул шеей, оглянулся на Марину и отвернулся, не найдя в ней ничего интересного.

Другой, с камерой на плече, стоял в некотором отдалении, а возле полок металась девушка с микрофоном. Людей, которые из-за давки не понимали, что происходит, теснил третий молодой человек, наступавший на толпу, широко раскинув руки. Покупатели покорно, но не без ропота, отступали. Общую

картину под названием «вавилонское столпотворение» довершала небольшая низенькая трибунка, перегородившая примерно треть узкого зала, так что приходилось обходить ее, чтобы попасть к дальним стеллажам. Трибунка была приготовлена для Анатоля Гросса и его встречи с читателями.

Рита протиснулась к мечущейся девушке и взяла ее за руку. Та остановилась и с видимым усилием сфокусировала взгляд на Марине и ее помощнице.

– Марина Николаевна, это Ольга, корреспондент. А это наш директор.

– Здравствуйте, – с разбегу начала девушка, тараща глаза, – нам нужно снять здесь и здесь, и еще там, где книги о Москве, это было бы просто отлично, но народу очень много, и оператору совершенно негде работать, и, наверное, придется проход закрыть, тут и еще вот там, а потом нам нужно будет синхрончик записать, а для этого придется выйти на улицу и встать возле дверей, там отлично и видно надпись «Москва». Вы встанете, я вам задам вопросы, вы ответите, а потом мы поговорим еще у вас в кабинете, а затем...

– Оль, чего еще снимать-то?! Полки я уж снял!..

Девушка, с тем же усилием оторвавшись теперь от Марины Николаевны, махнула рукой в сторону:

– Вот там еще снимите! Где новинки! И надпись снимите, что это новинки!

– Я туда не протолкнусь!

– Господа, посторонитесь, пожалуйста! Оператору совершенно негде работать!

Марина, начавшая было раздражаться, вдруг развеселилась.

Инструктор, с которым в юности она ходила в походы то на Приполярный Урал, то на Север, любил повторять, что если нет возможности изменить ситуацию, нужно изменить отношение к ней.

Марина это хорошо усвоила.

Ну, они молодые и неопытные, эти самые журналисты. Ну, приехали они совсем уж не вовремя. Ну, им кажется, что при виде камеры директор непременно упадет в обморок от счастья, выгонит людей, переставит стеллажи так, чтоб удобнее было снимать, вывеску перевесит, люстры поменяет местами, и все само собой получится, и материал выйдет «зашибись»!..

Девушка, махавшая руками на покупателей в некотором отдалении, подлетела и уставилась на Марину. Потом на лице у нее отразился ужас, и она стала тащить из кармана вчетверо сложенный листок бумаги.

– А... скажите, пожалуйста, – Ольга вытащила листок, скосила глаза, как в шпаргалку, видимо, ответа не нашла и перевернула на другую сторону, и тут воспрянула духом, – скажите, Галина Николаевна, можно будет на время этот зал закрыть, чтобы мы могли спокойно работать, а потом...

– Нет, – перебила директриса. – Все будет не так. Во-первых, вы должны запомнить, что меня зовут Марина Николаевна. Во-вторых, среди бела дня по непонятным причинам магазин закрыться не может, вы уж извините. Если хотите, мы можем принести стремянку, вы ее поставите на возвышение, и ваш оператор снимет зал сверху. Здесь, – она показала на трибунку, приготовленную для Анатоля Гросса, – как раз свободно. Если у вас получится, можете побеседовать с покупателями, а потом вас проведут в кабинет, и мы спокойно там поговорим. Снимать на улице вряд ли имеет смысл, потому что уже темнеет, а пока вы будете переносить свою аппаратуру, стемнеет окончательно. И снег пошел. Видите?...

Девушка-корреспондентка только моргнула.

– Ну, вот и договорились, – весело заключила Марина, – значит, я вас жду в своем кабинете. Рит, проводишь, ладно?

Муж Митя называл ее «мастером простых решений», и Марина иногда не знала, хорошо это или плохо.

В данном случае совершенно точно – хорошо.

Она стала пробираться обратно, путь через все залы предстоял неблизкий, когда к ней протиснулся охранник.

– Марина Николаевна, – озабоченно сказал он, наклоняясь к самому ее уху. – Задержали вора. Ну, того самого! Что делать? Полицию вызывать?...

1993 год

С утра Марина заехала к маме. Думала, на пять минут, а оказалось, почти на час. Мама капризничала и вздыхала – с одной стороны, ей очень хотелось в санаторий, куда Марина каждый год ее отправляла, а с другой – очень не хотелось собираться.

– Вот как бы так сделать, – говорила мама, усаживая Марину пить чай, – чтобы, с одной стороны, поехать, а с другой, чтобы кто-нибудь за меня собрался бы!

Марина, отлично понимавшая все эти заходы, помалкивала, прихлебывала из кружки. Собирать родительские чемоданы у нее не было ни времени, ни желания, да и чаю не слишком хотелось!.. Митя все повторял, что чай должен быть как поцелуй, «сладок, крепок и горяч», и научил ее заваривать «двойной с прицепом». Это означало, что кружку нужно налить доверху рубиновым, душистым, огненным чаем и положить в него ломтик лимона. Чай на родительской кухне не шел ни в какое сравнение с «двойным с прицепом», и Марина пила исключительно из вежливости.

Отчим в это время громогласно осведомлялся, как это так выходит, что путевка в такое хорошее и дорогое место по нынешним лихим временам стоит всего ничего, даже говорить смешно!..

Марина и тут помалкивала, пожимала плечами, а когда отчим уж очень наседал, говорила, что, должно быть, ездят мало, вот цены и падают.

– Да! – восклицал отчим. – Как же! Падают они!.. В магазинах, выходит дело, растут, а в санатории падают! С чего бы им падать?!

Марина опять пожимала плечами.

Врать она не любила, очень от вранья уставала, и ее отчаянно тянуло на работу – там все было ясно и понятно и нужно было каждую минуту отвечать за всех и

ликвидировать какие-нибудь прорывы. Магазин в катастрофическом состоянии, потолки текут – а сверху жилой дом! – проводка того гляди загорится, на складах стены трескаются и полки надо подпирать бревнами, а денег на ремонт как не было, так и нет. Начали было потихонечку, а надо бы не потихонечку, надо бы как следует взяться, можно ведь и опоздать! Упадет стена, придавит кого-нибудь, боже сохрани, вот тогда ищи виноватых! А никто и не виноват, в стране перестройка, ломка, черт знает что!..

Должно быть, слово «перестройка» она в задумчивости произнесла вслух, потому что отчим вдруг объявил громогласно:

– Да-с! Перестройка! На всякую перестройку смело клади вполтину больше против сметы. Прихотливые ломки да перестройки хоть кого разорят. Это кто сказал?

Марина не знала.

– Это сказал Владимир Иванович Даль, – с укором объяснил отчим. – Даже ты не знаешь! Все ведь только кажется, что новое, смелое прет, а ничего не прет, все уж было, вот и Владимир Иванович про это писал! Все у нас есть – и недра земные, и недра духовные, вон какое наследие получили от великой культуры, а мы хуже макак! И никак ведь его не выведешь из состояния макаки, человека-то! С одной стороны, человек силен, грешен, страшен, кровожаден, опасен и зол. И в то же время – велик. Он губит, съедает, уничтожает, оскорбляет и... красив, умен, добр, благороден, милостив, храбр, предан делу, семье!.. Кто-то же должен выводить высокую породу людей! Кто и как?

– Да ведь пробовали выводить-то, – тихонько сказала Марина. – А неподходящих всех в ров или в газовую камеру. Ты же воевал. Ты лучше меня знаешь!..

– Да ну тебя, – обиделся отчим, – я совсем про другое говорю, и не делай, пожалуйста, вид, что ты не понимаешь! Нужен закон? Вроде нужен. Только его все обходят, какой бы он ни был хороший да раззаконистый! Труд? Им тоже пренебрегают, и многие! Лишения, испытания? На них набивают суму мерзавцы, а от наказаний откупаются! Что такое?! Откуда такое несовершенство?! И чем дальше, тем оно хуже, несовершенство-то!..

Марине до ужаса жалко было отчима, мальчишкой ушедшего на войну и дошедшего до Восточной Пруссии, всю жизнь «отдававшего себя людям», над чем посмеивались в семье, и вдруг растерявшегося – не на войне, не в концлагере, а в мирной Москве конца двадцатого века.

Она приехала на работу, опоздав почти на час и в плохом настроении.

На работе, как выяснилось, с самого утра творились чудеса.

– Тебя кто только не искал, – озабоченно сказал Сергей Иванович, новый заместитель, кое-как внедрившись в тесный кабинетик. – Оттуда звонили!

И он показал пальцем на потолок.

– Оттуда – это откуда? – спросила Марина, наспех просматривая бумаги. – Из квартиры номер пятьдесят?

– Почему из квартиры, – обиделся заместитель, – не из квартиры, а из Кремля. Комендант звонил.

Марина подняла глаза.

– Зачем?

– А кто знает? Они нам не доложили. Сказали, что директор срочно нужен, а с нами и говорить не желали.

Сергей Иванович был из военных и ну никак не мог взять в толк, как это вышло, что баба получилась главнее его!.. Нет, он готов был слушаться и уважать ее, она баба непростая, деловая и хваткая, но вот так, чтоб из Кремля звонили, а ему даже не сказали, в чем дело, – это он отказывался понимать.

– А еще кто искал? Ты сказал – кто только не искал! Из Кремля, а еще откуда?

– Из приемной Морозова звонили. Ну, того самого!..

Так звали пресс-секретаря президента.

Марина знала его плохо, больше по телевизору видела, и иногда, на каких-нибудь расширенных заседаниях правительства, они издали сдержанно кивали друг другу.

...Что происходит?

Магазин закрывают? На месте книжного теперь будет казино? Или заправка? Или гастроном?... Или военный склад?

От властей предержащих Марина старалась держаться на разумном отдалении, чинопочитанием и низкопоклонством никогда не страдала, слишком много сил у нее уходило на то, чтобы и собственные интересы соблюсти, и достоинство сохранить, и в хороших отношениях остаться. Она как будто позволяла себе роскошь общаться не только и не столько с полезными и важными людьми, сколько с теми, кто на самом деле вызывал ее уважение и расположение.

Отчим, даже ничего не зная о ее делах, всегда любил в ней эту черту, а мама фыркала и называла «фрондеркой» и «юной пионеркой».

– Ниночка! – восклицал в таких случаях отчим. – Алмазная моя! Ты сама не знаешь, что говоришь! Пионеры и фронтеры – это из двух разных исторических романов! Ты просто перепутала!

Ему нравилось прикидываться всезнающим и давно живущим стариком на фоне двух легкомысленных «молодух» – Марины и собственной супруги.

Самое главное, любимый муж Матвей накануне уехал в Киев, и даже посоветоваться было не с кем. Сергей Иванович не в счет, он напуган и уязвлен и вряд ли сможет что-нибудь толковое посоветовать!..

– Я им сказал, конечно, что ты вот-вот будешь, – бубнил тем временем заместитель, – а мне из приемной Морозова, уже когда второй раз звонили, говорят: что это она у вас так поздно на работу приходит? А я говорю, что...

– Марина Николаевна, – в дверь заглянула только что пришедшая на работу сотрудница с литературным именем Маргарита. Личико у нее было перепуганное. – К вам какие-то люди пришли, Толя не хотел пускать, а они...

Подвинув девчужку и глянув в сторону застывшего, как соляной столб, Сергея Ивановича, в кабинет вошли сразу несколько человек в одинаковых серых костюмах. Вид у них был внушительный и какой-то на редкость невеселый. Марина поднялась за своим канцелярским столом, заваленным бумагами, счетами за свет и за «площадь», сметами будущего ремонта, образцами литературной продукции в виде тоненьких брошюр о сексе и о том, как закрывать на зиму огурцы, эти брошюры только-только стали выпускать едва народившиеся на свет коммерческие издательства, и стремительно подумала, что они пришли ее убивать.

Такие вещи в последнее время стали происходить то и дело. Пламенный и бледный, с горящими, страшными глазами Александр Невзоров рассказывал о них в программе «Журналистское расследование», которую смотрели, как некогда кинофильм «Семнадцать мгновений весны», истово, изо всех сил боясь и ожидая продолжения и назавтра обсуждая показанное.

Лозунг «грабь награбленное», придуманный несколько десятилетий назад балагуром-вождем, поставившим страну на дыбы и потом растянувший ее же на дыбе, преодолев виток истории, вновь оказался актуален как никогда!.. Грабили все и всех. Слово «рэкет» стало таким же обыденным, как «парикмахерская», а потому неинтересным. Появилось новое модное выражение – крышевать.

Кто тебя крышует? Да местные!.. И много платишь? Как все плачу, как положено!

Когда, кем и что именно положено, не имело никакого значения. Все привычные, милые, детские-советские понятия сдвинулись и расплылись, и, казалось, теперь никто не может вспомнить, как они выглядели, когда они были незыблемы и вечны, как египетские пирамиды.

Оказалось, что из Туркмении везут анашу, а братский афганский народ, боровшийся с помощью русских мальчишек за свободу, независимость и национальное самоопределение, вовсе не хочет никакого самоопределения, а воюет потому, что не воевать не может – больше ничего не умеет! – и тоже хочет

везти в братскую страну анашу, а может, что-нибудь посерьезней, потяжелее!

Оказалось, что израильская военщина вовсе не собирается давить танками малолетних палестинских детей, а просто на силу отвечает силой – и что тут такого?! Так делали все и всегда со времен Александра Македонского! Побеждает сильнейший. Победитель же получает все.

Оказалось, что воровать как раз хорошо, а вовсе не плохо, и еще оказалось, что воровали все, все!.. Все и всегда. Воровали председатели обкомов, министры, генералы, что уж говорить о сошках помельче! Александр Невзоров, сверкая голубыми страшными глазищами, говорил многозначительно: «Рыба тухнет с головы», – и все понимали, о какой именно голове идет речь!..

Оказалось, что деньги, если их не хватает, можно прийти и отнять у того, кому хватает. Еще можно отнять жену, опять же, если не хватает. Или ребенка, если просто так отец-строптивец платить не хочет. Стали модными анекдоты про паяльники и утюги – оказалось, что ими можно пытаться, а что тут такого?!

Все это вихрем пронеслось у Марины в голове, осело в горле, так что вдруг запершило, и она откашлялась.

Самый первый и самый невеселый из вошедших посмотрел на нее без всякого выражения.

Интересно, он специально тренировал себя, чтобы научиться так смотреть? Или само собой выходит, потому что «выражения» действительно нет? Ну нет, и все тут!..

– Марина Николаевна Леденева?

– Да.

– Полковник Гаврилко. – Дежурным, невыразительным движением он сунул ей удостоверение и тут же убрал.

А Марина вдруг развеселилась.

Вот прямо так и Гаврилка?! Может, хотя бы Гаврила?! Развеселившись, она вдруг успокоилась, и сухость в горле прошла.

– Здравствуйте, товарищ полковник.

«Гаврилка» – даже не Гаврила! – сухо кивнул, однако ее неожиданное веселье, видимо, «срисовал», еще одно остроумное слово, потому что добавил довольно сердито:

– Андрей Степанович.

– Марина Николаевна.

– Товарищ директор, мы должны осмотреть все помещения вашего магазина и прилегающую к нему территорию. – Он так и сказал «прилегающую», как будто речь шла об участке государственной границы. – Лестницы, чердаки, подвалы, складские и подсобные помещения, черные ходы, подъезды, запасные выходы...

Перечислял он тоже без всякого выражения.

– Зачем?

– Что – зачем?

– Зачем вам все это осматривать?

Теперь вдруг удивился полковник Гаврилко.

– На предмет обеспечения безопасности первого лица.

– Какого... лица?

Сергей Иванович, задвинутый в угол, давно уж делал ей знаки. Должно быть, в таком сугубо мужском и очень ответственном деле, как «обеспечение безопасности», он понимал значительно лучше Марины и примерно на одном уровне с полковником Гаврилко.

Марина не обращала никакого внимания на его знаки, а полковник вдруг спросил обидно:

– Вы что? Я же вам удостоверение показал! А там русским по белому написано: ФСО! Федеральная служба охраны! Понятно?

– Непонятно, – сказала Марина, во всем любившая честность и ненавидевшая всезнайский тон. – Объясните.

– Вам все объяснят, – помолчав, объявил полковник, – а сейчас нам хотелось бы приступить к работе.

Марина пожала плечами.

– Сергей Иванович, проводите, пожалуйста.

– А где ключ от черного хода? – тревожно, но в то же время деловито и с каким-то особым трепетом спросил Сергей Иванович, выдвигаясь из угла.

– У Анатолия, вы же знаете!

За распахнутой дверью, в тесном и плохо освещенном коридорчике мелькнуло лицо кого-то из девушек – перепуганное насмерть. Люди в серых костюмах стали выбираться из кабинета, и почему-то так получилось, что полковник Гаврилко опять оказался впереди всех, и тут зазвонил телефон.

– Да!

– Марина Николаевна?

– Да!

– Пресс-служба президента. Приемная Морозова Сергея Константиновича. Я сейчас вас соединю.

– Да, – согласилась Марина, хотя ее никто ни о чем не спрашивал.

Согласившись, она независимо пожала плечами и поймала свое отражение в стекле книжной полки. Собственный растерянный вид не слишком ей понравился.

Ничего не происходит. Ничего не случилось. Что ты нервничаешь, как школьница перед экзаменационной комиссией?!

- Марина?

Голос узнаваемый, низкий, профессионально-отчетливый. До пресс-секретарских времен Сергей Морозов работал на телевидении и считался неплохим журналистом.

Неплохой – значит блестящий, на их особом телевизионном языке.

- Слушаю вас, Сергей Константинович, здравствуйте.

- Президент собирается заехать в ваш магазин, – бухнул пресс-секретарь без всякой предварительной подготовки. – Сегодня день рождения Пушкина! Вы готовы... нас принять?

- Мы всегда рады видеть... – Марина поняла, что говорит что-то не то, но все же договорила: – президента. Но я не знала, что он такой поклонник Александра Сергеевича.

Морозов засмеялся, и Марина приободрилась.

- А когда ждать... гостей?

- Расписание есть, – сказал Морозов таким тоном, как будто сомневался, есть ли оно на самом деле. – По всей видимости, во второй половине дня. Никак не раньше трех часов. Но время будет еще уточняться. И это только в том случае, если мы будем укладываться в график. Ваш магазин как-то готовился ко дню рождения Пушкина?

«Интересно, – быстро подумала Марина, – какого ответа он ждет?»

Нет, мы не готовились, и приезжать не стоит? Скажите вашему президенту, что нужно предупредить заранее?

Да, мы готовились изо всех сил, не смея надеяться, что нас посетят такие высокие гости, и все же в глубине души смутно веря в столь небывалое счастье?

– У нас один из залов оформлен специально ко дню рождения поэта, и центральная витрина тоже. Есть тематический стенд, а в канцелярском отделе выставка портретов...

Морозов почти не слушал. Или ему все равно, или он был прекрасно осведомлен и о витринах, и о стендах. Разведка донесла?...

– Ну, вот и хорошо.

– Сергей Константинович, – сказала Марина решительно, – мы ведь специально ничего не готовили! И ремонт в магазине я сейчас сделать не успею.

Морозов – надо отдать ему должное! – вдруг захохотал.

– Сейчас не надо! И не прибедняйтесь. Нам отлично известно, что у вас в магазине всегда все в порядке.

«Интересно, откуда это известно, – пронеслось в голове у Марины. – И кому – нам?...»

– Я думаю, что придет охрана и там все на месте посмотрит, только вы не пугайтесь!

Марина сказала, что охрана уже прибыла и смотрит и никто не пугается.

– Ну, добро, – по-государственному попрощался бывший пламенный журналист, а ныне большой чиновник.

Положив трубку, Марина некоторое время посидела, собираясь с мыслями.

И что это Матвей так некстати уехал!..

Не то чтобы она каждую минуту кидалась за помощью к мужу, но все же с ним рядом ей было как-то спокойней и понятней.

Хотя и так все понятно! Что уж тут непонятного – президент приезжает!.. И она засмеялась.

За стеной что-то упало и покатилося – Марина прислушалась. Некоторое время была тишина, а потом опять загрохотало, и как будто бочка упала. Должно быть, Гаврилка осматривает пути к отступлению. А может, к наступлению!..

– Рассиживаться некогда, – сама себе сказала Марина Николаевна и нажала желтую клавишу на допотопном селекторе. Этим селектором осуществлялась связь с товароведами, складом, торговыми залами.

Должно быть, все уже в курсе событий, в курилке на лестнице сейчас паника стоит столбом, гораздо плотнее и осязаемей, чем сигаретный дым. Должно быть, коллектив уже обсуждает потрясающую новость, а заполошная Клара Францевна, как пить дать, находится в курином обмороке.

– Елена Семеновна, – сказала Марина внушительно, когда селектор затрещал и вместе с треском в темный кабинет ворвался привычный шум торгового зала, который Марина так любила, – попросите начальников отделов, кто сейчас свободен, подойти в мой кабинет. И сами подходите!

Сквозь треск и шумы такие, как будто осуществлялся сеанс связи с Марсом, Елена Семеновна проквакала, что сию минуту все будут, и Марина отпустила желтую клавишу.

– Марина Николаевна, – в дверь заглянул Сергей Иванович, очень озабоченный и «при исполнении», – у нас пожарный гидрант здесь подключается или только из дальнего коридора?

Марина посмотрела на него исподлобья.

Вот тебе и раз!..

– Ты что, Сергей Иванович? Заболел? – В первый раз она назвала его на «ты». – И здесь, и из коридора, и еще в подвале, и на складе! А у нас пожар?

– Я должен дать сведения.

– Ну так давай! Ты что, первый день работаешь?!

Очевидно, заместитель устыдился, потому что вдруг расплылся в растерянной улыбке, и шея у него покраснела.

– Да ты понимаешь, – растерянно сказал он, принимая ее тон, – я вблизи только начдива видел, да и то один раз в жизни! А тут, понимаешь, президент!.. Я и того... А ты не знаешь, почему он к нам-то? И чего так неожиданно?

– Думаю, что к нам, потому что ему по дороге. От нас до Кремля рукой подать. А неожиданно... Мы же с тобой не соседская держава, и у него не визит доброй воли!.. Он еще небось и сам не знает, что едет! Ему в расписание поставили, потому что сегодня день рождения Пушкина, и российский президент должен это как-то отметить, ну вот он и приедет. Отметит.

Заместитель открыл было рот, чтобы что-то сказать душевное, раз уж у них с начальницей такой особенный разговор пошел, но за спиной у него возникла Елена Семеновна, а за ней еще какие-то «девушки», которых было на удивление много, и Марина махнула ему рукой:

– Ты, главное, лишнего не говори, Сергей Иванович! Ты... делай свое дело, и все будет хорошо.

Часов до двух магазин лихорадило не на шутку.

Начальники отделов, официально оповещенные Мариной о приезде первого лица, разбежались по торговым залам и спешно начали улучшать, менять местами, украшать витрины, а Люся из отдела технической литературы приволокла стремянку и на глазах у покупателей полезла за стеллаж вытирать пыль, как молодая жена перед приездом бдительной и требовательной свекрови.

Марина прошлась по залам, удостоверилась, что все в порядке, впрочем – прав Морозов! – у нее все было в порядке, не только когда собирался нагрянуть президент.

Полковник Гаврилко – Андрей Степанович! – уехал, а потом вернулся. На автобусной остановке перед магазином, тесня народ и мешая движению, стояли «комитетские» черные «Волги» с нелепыми министерскими зелеными шторками на окнах.

Потом приехали люди с рациями и автоматами и тоже пошли по торговым залам и складским помещениям.

Потом неожиданно все уехали и некоторое время никто не приезжал.

– Может, пронесло? – спрашивали друг у друга сотрудники.

Спрашивали с надеждой и некоторым разочарованием.

Несмотря на панику, метания и запугивание друг друга в курилке на лестнице, всем до ужаса хотелось... похвастаться магазином перед «самим».

Двухлетнее противостояние директрисы и коллектива закончилось со счетом два один в пользу директрисы. Всем, даже самым рьяным защитникам старых порядков и привычного хода вещей, пришлось признать, что директриса свое дело знает, работу любит и – самое, самое главное! – в случае чего не даст пропасть ни магазину, ни сотрудникам.

Как будто само собой получилось, что в такое смутное и трудное время книжный все же жил, и жил именно своей книжной жизнью!.. В магазине по-прежнему продавались книги – удивительное дело! Не игрушки, не колготки, не турецкий ширпотреб, а именно книги, и с некоторым недоверием и неохотой «старая гвардия» признала, что заслуга в этом именно директора, которая лишь один угол сдала под дорогую оргтехнику – все ж не под унитазы, а в других книжных и такое бывало!

Атаку «лихих махновцев», то ли перекупщиков, то ли застройщиков, то ли бандитов, ей удалось отразить, хотя внушительная бумага с предложением

продать помещение для организации в нем увеселительного центра лежала у нее на столе, все видели!

Продаст, говорили одни. Это ж какие миллионы!..

Отберут, говорили другие. Это ж какие связи задействованы!..

Отдаст сама, злорадствовали третьи. Что ей книжный!.. Она и увеселениями отлично будет заведовать!

Готовились к самому худшему, пугали друг друга в курилке на лестнице, приходили на работу с трагическими лицами.

Марина Николаевна собирала совещания, проводила летучки, хвалила, распекала и толковала про какой-то зарубежный опыт, про «свободную выкладку», как будто книги можно продавать, как консервы «Частик мелкий» в универсаме, смехота!.. В общем, вела себя так, как будто ничего не происходит.

Внушительная бумага, полежав у нее на столе какое-то время, исчезла, а страхи постепенно забылись.

А еще она умудрялась где-то доставать книги, да такие, которые шли нарасхват – американские любовные романы в тонких переплетах, переводные детективы, боевики и триллеры. И она все поменяла местами: книги, которые всегда продавались плохо, вроде биографии Мао Цзэдуна на румынском языке, оказались дальше всех от входа, а на самые бойкие прилавки она выкладывала самые ходовые.

Старые товароведы какое-то время возмущались качеством и подборкой этих ходовых книг, даже собрание провели на тему «Воспитательная работа с покупателями», а потом притихли, потому что время для воспитания было выбрано явно неудачное – в стране царил разброд и шатания. Одно государство пропало, погибло, а другое еще только нарождается, вылупляется из яйца, и непонятно, кто вылупится, белый лебедь свободы или чешуйчатая рептилия капитализма, наживы и стяжательства! Повсеместно месяцами не платили зарплату, скудные денежки еще и обесценивались с каждым днем, а в бухгалтерии книжного магазина «Москва» неспешно сводили дебет с кредитом,

и зарплату выдавали регулярно, а на прошлый Новый год еще и премию накинули, вот дела!

В бухгалтерии заправляла теперь Таня Палей, молодая, решительная, только что окончившая полиграфический институт. Когда в далеком девяносто первом уволилась могущественная Ирина Федоровна и увела за собой весь бухгалтерский штат, а директриса поставила главбухом эту самую вчерашнюю студентку, казалось, что все кончено. Развала не избежать.

Но и тут обошлось.

Таня поначалу проливала горькие слезы и просиживала над ведомостями ночи напролет, и директриса рядом сидела, а потом – ничего, разобрались, и дело пошло. Из «Москниги» пришла толстая и одышливая Тамара Федоровна, которую то и дело мучила гипертония, зато она «знала специфику». Уселась в бухгалтерии на самое лучшее место, прогнав оттуда Ирочку Фомину, а когда Ирочка стала верещать, объявила, что лучшие нары всегда у пахана, а она, Тамара Федоровна, и есть пахан!.. Бороться с Таней Палей за первенство она не стала – «годы не те, вот десять лет назад я бы тебя живьем съела!» – и в войне алой и белой розы была наконец поставлена точка.

Бухгалтерия – часть структуры магазина, и только слаженная работа на общее благо может привести всех к победе.

А еще оказалось, что к директору можно обратиться за помощью, и она поможет! Позвонит врачу, если заболела мама, выпишет неожиданную премию, если ребенок идет в первый класс, пошлет Василия Самсоновича на магазинном грузовичке, если с дачи никак картошку не вывезти!

Правда, слезливых историй о том, что муж-негодяй бросил одну с ребенком, она не любила. Всегда говорила: «Раз этот бросил, значит, будет следующий!» И еще так: «Ну, дорогая, нового мужа мне для тебя взять негде, а своего не отдам!»

И как-то так получилось, что магазином и своей работой потихоньку все начали гордиться и дорожить. Заслуженные кадры – по старой памяти. Молодые – с новой силой.

Самое время теперь и президенту показать, что книжный магазин «Москва» не только не загнулся – на-кася выкуси! – а ничего себе живет, вполне солидно, как и положено книжному на главной улице столицы.

Часов в пять – в который раз за день? – прибыл полковник Гаврилко, а с ним уже какие-то другие люди, и попросил Марину Николаевну проводить их на крышу.

– А я не знаю, есть у нас с чердака ход на крышу!

– Есть, есть, – успокоил полковник. – Вы мне ключики от чердака дайте, а ваш заместитель нас проводит.

Высокая духовная связь полковника и ее собственного заместителя Марину сместила, тем не менее она сделала очень серьезную мину и ключи от чердака отдала непосредственно в руки Сергея Ивановича для передачи полковнику, и таким образом заместитель окончательно возвысился в собственных глазах!..

Как раз когда вновь прибывшие полезли на крышу, позвонили из Кремля и озабоченно сказали, что президент не придет – предыдущая встреча все еще продолжается, а его уже ждут в другом месте.

Марина положила трубку, пожала плечами и пробормотала:

– Можно подумать, что я настаиваю!

Еще через час опять позвонили и сказали, что президент уже выехал и будет через пять минут.

Встречайте.

Марина вдохнула, выдохнула, покосилась на селектор, нажала желтую клавишу, сквозь марсианский треск и потусторонние шумы объявила готовность номер один.

Потом причесалась перед зеркалом, висевшим на внутренней стороне директорской двери, зачем-то собрала волосы в хвост и тут же зачем-то распустила, одернула безупречный льняной пиджачок и отправилась...

встречать.

На улице приятно, по-летнему вечерело, и было тепло, а у нее почему-то весь день мерзли руки. Люди, показавшиеся Марине очень веселыми и ничем не озабоченными, двигались вниз, к Кремлю, и вверх, к Пушкинской площади, и все было как всегда, и она мимолетно подумала, как хорошо, должно быть, живется всем этим парочкам, бабушкам, детям, студентам, приезжим и влюбленным – им не надо сейчас встречать президента!..

– Катя, – сказала она негромко одной из сотрудниц, вышедшей следом за ней, и взглянула налево, туда, откуда должен был прибыть кортеж, – у тебя есть сигарета?...

– Сигарета? – удивилась Катя, как будто в первый раз в жизни услышала это слово. – Есть. Только пачка у меня на столе.

Марина посмотрела на нее, и они улыбнулись друг другу. В дверях стояли плечистые парни в черных костюмах, мешая покупателям, и Марина испытала секундное неудовольствие от того, что они мешают, и отвернулась.

Тут по всей улице Тверской как будто прошла короткая судорога – переключились светофоры, движение замерло и невесть откуда взявшиеся люди в форме – очень много! – вышли на разделительную полосу и стали махать жезлами.

Должно быть, так положено делать, когда едет президент, подумала Марина отстраненно.

Вдалеке завывала сирена, и сердитый искаженный голос что-то приказал в мегафон.

Потом все смолкло, и люди на разделительной замерли, и толпа на тротуарах приостановилась, любопытствуя.

По всей длине улицы, от Кремля и вверх, до «Известий», не было видно ни одной машины, и в этой пустоте и неподвижности было что-то неправдоподобное, как в фантастическом фильме.

– Господи помилуй, – пробормотала рядом Катя, – никак и вправду едет!..

Марина дернула плечом.

Снова взревели сирены, только уже гораздо ближе, и опять все смолкло.

Теперь по всей улице Тверской люди останавливались и смотрели вниз, на Кремль.

Через две секунды из-за серого бока отеля «Националь» вылетели машины, как показалось Марине, очень много и все одинаковые. Сине-белые всполохи мигалок и прерывистый вой сирен затопили улицу до краев, и казалось, что этот нереальный мигающий, тревожный свет и лающий звук вытесняют вечернее солнце, привычные уличные шумы, как будто ластиком стирают!..

Черная лавина машин обрушилась на улицу, растеклась, сметая все живое, разогналась, притормозила и остановилась перед входом в книжный магазин «Москва».

Черные пиджаки, от которых Марина давеча отвернулась, вывалились из-за ее плеча и выстроились в два ряда, оттесняя народ от входа и надвое рассекая толпу, которая моментально стала растекаться, как вода в перекрытом устье ручья.

Катя, кажется, тихонько перекрестилась, Сергей Иванович по-военному вытянулся и громко сопнул носом. Таня Палей положила руку на сердце, а Марина все искала среди черного полированного стада именно ту машину, из которой должен выйти главный человек в стране.

Президент одной шестой части суши, или сколько там теперь у нас осталось?...

Президент, который просто приехал посмотреть ее магазин. В день рождения Александра Сергеевича Пушкина, солнца русской поэзии!

Она все переводила взгляд с машины на машину, но так и не поняла, из какой именно он вышел, только вдруг оказалось, что он уже подходит к ней, и вокруг него множество каких-то одинаковых людей, и охрана теснит толпу, ставшую

огромной, как море, хотя только что – Марина отчетливо это помнила – был просто ручей!

Этот самый человек, столько раз виденный по телевизору, подошел, и сбоку забежал Морозов и сказал громко:

– Марина Николаевна Леденева, директор книжного магазина «Москва».

И тут, как по мановению волшебной палочки, вся ее глупая тревога вдруг улетучилась, испарилась, исчезла, как будто стая беспокойных голубей унеслась в вечернее московское небо, унеслась и пропала.

– Здравствуйте, Борис Николаевич, – сказала Марина сердечно и крепко, по-мужски, тряхнула его руку. – Спасибо, что заехали к нам.

У него тоже оказалась крепкая, совсем не чиновничья рука, и улыбка вполне человеческая, и шаг широкий и свободный. Казалось, что он сдерживает себя, чтобы не идти слишком быстро и чтобы свита успевала за ним.

Невесть откуда взявшиеся журналисты – целая стая! – непрерывно щелкали фотоаппаратами, вспышки били по глазам, камеры снимали, штативы устанавливались, микрофоны в неправдоподобно огромных шапках «ветрозащиты» подсовывались под самый нос.

Марина вдруг почувствовала этому здоровому мужику, больше похожему на кулака-белобандита, чем на чиновника или – о господи! – на президента!

Вся жизнь у него – протокол. Камеры, микрофоны, журналисты, которые ловят каждое его слово, а поймав, все равно перетолковывают на свой лад! И это только то, что «над», то, что видно! Все остальное – борьба, противники, необходимость все время быть начеку, чтоб не сожрали, ответственность, ошибки, трагические и не слишком, дураки-министры, казнокрады, проходимцы, обнищавшие пенсионеры, на все лады проклинаящие именно его, газетные листки, в которых его называют Иудой, война на южных границах и прочее, прочее, прочее – остается вне протокола, и этого вроде нет, но на самом деле есть!..

Интересно, о чем этот человек думает в четыре часа утра, когда у него бессонница? Вряд ли о чем-то легком и приятном.

Он вошел в магазин, оглянулся на Марину и сказал удивленно и с удовольствием:

– О! Сколько народу! У вас всегда так?...

– Сейчас не слишком многолюдно, Борис Николаевич. Все на дачах, лето ведь! Зимой и осенью у нас людей побольше.

– Значит, слухи о том, что нынче никто ничего не читает, сильно преувеличены, а?...

Вспышки полыхали, камеры снимали, журналисты забегали вперед и бухались на колени, чтобы снять план получше.

Марина, не имеющая никакого опыта общения с президентами, как будто внутренне махнула рукой – ну, гость и гость, гостям обычно показывают что-нибудь интересненькое, и она пошла показывать магазин, и ее никто не останавливал. То ли потому, что она все делала правильно, то ли потому, что «сам» не подавал никаких знаков, из которых следовало бы, что смотреть он не хочет, а хочет немедленно уехать.

Он расписался в книге почетных гостей, которую ему, как каравай, подала на раскинутых руках совершенно красная Катя. Отступая, она споткнулась, и он ее поддержал.

Он купил Пушкина, какой-то самый обычный сборничек, ничем не замечательный, и уплатил за него в кассу. Все стояли и смотрели, как он платит.

Он еще похвалил магазин и уехал.

Марина вернулась в кабинет и боком села в кресло – вдруг почему-то очень устала. Рассердившись на себя за эту дамскую усталость, она еще раз проанализировала события.

Все в порядке, ничего такого не случилось.

Президент заехал к ней на огонек, остался доволен, в грязь лицом она не ударила, и никто никуда не ударил, все было очень неплохо.

В понедельник на летучке она всех поблагодарит.

У нее был свой метод общения с сотрудниками. Она всегда сначала хвалила, и даже если хвалить было совсем уж не за что – все равно выискивала, за что бы такое похвалить. А потом произносила магическую фразу: «И в то же время...», и тут следовал детальный, подробный и честный разбор полетов.

Впрочем, что касается сегодняшнего приключения, и разбирать особенно нечего. Поду-умаешь!..

Телефон зазвонил, и Марина, продолжая думать о президенте, свите, черных машинах, журналистах и Пушкине, взяла трубку и сказала рассеянно:

– Алло!

– Я догадался, – придушенным детективным шепотом сказал отчим ей в ухо. В шепоте тем не менее слышалось некоторое торжество.

– О чем? – не поняла Марина.

– Обо всем, – объявил отчим. – Наш с матерью санаторий обходится нам в полтора рубля, потому что вы с Митей за него доплачиваете! А?!

Марина молчала, пораженная в самое сердце невиданной родительской пронизательностью.

– Молчишь?! – зловеще фыркнул отчим. – Молчишь! Значит, так оно и есть! А ты думала, я не догадаюсь, что ли?!

«Мне нужен Фауст, только я не помню, как книжка называется!»

«Она так и называется – „Фауст“. Автор Гёте».

«Да не-ет! Мне нужен автор по фамилии Фауст, я точно помню. А книжка называется „Функционер“. Ну, или „Милиционер“! И что вы на меня так смотрите?»

«Должно быть, вам нужен Фаулз, „Коллекционер“!»

«Да, да, это самое! А я как сказал?»

Диалог в книжном магазине «Москва».

Вообще говоря, воровали всегда. Дня не проходило, чтобы что-нибудь не сперли. Раньше Марина все время бесилась – в ее голове решительно не укладывалось, как это можно прийти в магазин и что-то такое там взять, не заплатив!..

А потом ее муж сказал, что следует рассматривать этот бесконечный процесс как естественные убытки.

– Помнишь, в советские времена была усушка, утруска и еще что-то, я забыл?

– Не помню, – упрямо сказала Марина.

– Не помнишь, потому что еще маленькая была, – с удовольствием объявил муж, которому нравилось, что Марина значительно его моложе.

Это нравилось ему последние двадцать лет, что они были женаты. Время от времени она была девочкой с косичкой, а он взрослым и опытным человеком, вот как сейчас, когда он поучал ее про «усушку» и «утруску».

– В общем, всегда есть естественная убыль!

– Митюш, я все знаю про естественную убыль, но это кем надо быть, чтобы просто так зайти и...

– Ты об этом лучше не думай. Все равно не поймешь! И потом, крадут в основном по мелочи!

– Да это и обидно, Мить! Это значит, что человек пришел и украл, не потому что ему очень надо экзамен сдать, а книжка стоит дорого, и заплатить ему нечем! Это развлечение, что ли, такое?! Какую-то ерунду переть, блокноты из канцелярского отдела!

Матвей посмотрел на нее с любовной и насмешливой печалью.

Не то чтобы она была максималисткой, комсомолкой и Зоей Космодемьянской в одном лице, но некоторые человеческие проявления до сих пор обижали и огорчали ее, и она обижалась и огорчалась совершенно искренне, как будто недоумевала, почему люди никак не могут приспособиться жить... хорошо и живут все время плохо!..

– Мить, – иногда говорила она жалобно, и личико ее становилось совсем детским, и голубые глазищи линяли, делались несчастными, серыми, – ну, ведь это так просто! Я все время всем своим говорю – нельзя делать гадости, и даже, знаешь, не потому, что это Библией запрещено, а потому, что это обязательно потом по башке шарахнет! Ну, совершенно точно!.. Ты мне можешь объяснить, ну зачем они воруют?!

Матвей непременно отшучивался, уверял, что эра милосердия скоро грянет, просто ее наступление несколько откладывается из-за несовершенства мира, и предлагал поставить дополнительные камеры наблюдения.

Камеры ставили, воришек иногда ловили, но из-за исключительной глупости как самих воров, так и краж шума никогда не поднимали. Охранники выпроваживали воров вон с указанием больше не пускать, но они все равно возвращались, и их опять ловили – с карандашами или брошюрой «Пояснения к подзаконным актам Конституции РФ, принятым в две тысячи пятом году».

На этот раз попалась рыба покрупнее, как писали в старинных детективных романах.

Антикварный отдел всегда был мечтой Марины Николаевны, очень любившей старинные книги. Маленькой, она никак не могла оторваться от растрепанного красно-вишневого тома с вытертой, некогда бархатной крышкой. Текст на каждой странице располагался в две полосы, как в журнале, и перемежался портретами странного вида людей в необыкновенных одеждах и с необыкновенным выражением на лицах. Все портреты были черно-белые, бумага с краев желтела, из переплета лезли толстые, жесткие от клея нитки. Маленькая Марина рассматривала портреты – некоторые она любила и подолгу разглядывала, других боялась и пролистывала очень быстро. Текст она никогда не читала – даже не понимала, как за него приняться, там было, как ей казалось, много лишних букв.

Только спустя много лет выяснилось, что красно-вишневый том – собрание пьес драматурга Островского, а картинки – портреты артистов Художественного театра, игравших в пьесах.

В ее будущем антикварном отделе ей виделись ряды кожаных переплетов ручной работы и особые стеклянные боксы, где поддерживается температура и влажность, чтобы книгам там, внутри, было хорошо. Она – мастерица придумывать – давно уже знала, как именно оформит этот зал: в духе старинного английского кабинета – с уютными молочными лампами, латунными штучками, стремянками, шкафами с раздвижными деревянными шторками и полосатыми стульями времен королевы Виктории.

Но прошло много лет, прежде чем антикварный отдел удалось организовать – в подвале, куда вела узкая, почти винтовая лестничка, и приходилось ждать, если навстречу уже кто-то шел. До кресел времен королевы Виктории дело не дошло, в подвале и так было слишком тесно, зато книг было множество, и какие!..

Здесь подбирали библиотеки скороспелые богачи, им нужны были непременно старинные и самые дорогие волюмы. Несчастные страдальцы были убеждены, что именно такие, старинные и дорогие, книги солидные люди получают по наследству. «Полученные по наследству» книги привозились в загородные особняки из магазина «Москва».

Здесь осторожно пополняли коллекции – кто-то собирал особые переплеты, кто-то книжные факсимиле, кто-то дореволюционного Пушкина.

Здесь за пуленепробиваемым стеклом были выставлены ювелирные шедевры – книги из золота и серебра, и еще инкрустированные изумрудами и рубинами. На изумруды с рубинами тоже был спрос, правда, Марина не слишком понимала, при чем тут книги!

Здесь докупали зеленые тома Голсуорси, восьмидесятого года выпуска, если из собрания сочинений что-то пропадало. Здесь продавали те самые книги, за которыми некогда стояли по ночам, отдавали последние деньги, бегали отмечаться в очередь на подписку. Книги все в тех же переплетах, знакомые до мелочей, как лицо старого друга, и объяснение Даши с Телегиным было по-прежнему на сто восемнадцатой странице, а бравый «Янки при дворе короля Артура» по-прежнему во втором томе, и в этом была не только ностальгия, сладость воспоминаний, но и как будто устойчивость мироздания! Времена изменились, империя рухнула, государство стало каким-то не таким, но янки-то по-прежнему на месте!..

Из антикварного отдела почти никогда не воровали – пытались, но эти попытки моментально разоблачались. Книги здесь были, прямо скажем, недешевые.

– Он один том утащил, – гудел охранник, не переставая, и Марине хотелось отмахнуться от него как от мухи, уж больно назойливо гудел, – и под куртку спрятал. Ну, его камера зафиксировала, а обыскивать мы не имеем права, так что не стали, чтобы не орал, а вообще-то следовало бы...

– Где он?

– Да у нас в каптерке.

Марина поднялась по лесенке, ведущей во внутренние помещения магазина, приложила карточку к магнитному замку и распорядилась:

– Значит, этого ко мне в кабинет, а телевизионщиков пока задержите. Я в случае чего ими его припугну!.. А что он утащил?

Охранник отвел глаза и пожал плечами – он в книгах не разбирался. Он вообще не понимал, как можно своровать... книгу! Ну, ладно еще кольцо с бриллиантом, или деньги, или мобильный телефон свистнуть! Но книгу?! На что она нужна?!

Напустив на себя суровый вид, Марина поджидала преступника и, когда он вошел, удивилась. Он оказался интеллигентным дядечкой с бородкой, в невыразительной зеленой куртке с мехом из «искусственной собачки» на скособоченном капюшоне. Один глаз у него косил, и Марина поняла – наверняка от вранья, как написал кто-то великий.

Не дав дяденьке и рта раскрыть, Марина сказала грозно:

– Вы сейчас достанете книгу, которую взяли со стенда, и положите на стол.

Дяденька пожал плечами довольно уверенно, задрал бороденку и объявил, что никаких книг не брал.

– Мы давно за вами следим, – симпровизировала Марина. – Вы ведь не первый раз примериваетесь!

Тут она поняла, что попала, потому что дяденька мельком глянул на нее и закосил глазом еще пуще.

– Что вы взяли?

– Я ничего у вас не брал, – забубнил он, – если хотите, вызывайте милицию, а я у вас ничего не брал! Обыскивать меня вы права не имеете.

На многоканальном телефоне у нее на столе зажглась красная лампочка – вызывала помощница Рита.

– Да, – сказала Марина в трубку.

– Марина Николаевна, он утащил второй том подарочного издания Бальзака. Там так ценник стоит, что можно подумать, что одна книга стоит семь тысяч рублей, а это цена полного собрания!

– Понятно, – протянула Марина, поглядывая на жулика. – Замечательно.

– Если нужно видео с камеры наблюдения, я вам файл скинула. Можете прямо сейчас посмотреть. Ну, в качестве доказательства.

- Да, спасибо.

Она положила трубку и спросила безмятежно:

- Вы поклонник Бальзака? И именно второго тома?

Дяденька загрустил, стал отворачиваться, но бормотать, что ничего не брал, не перестал.

- Значит, так, - сказала Марина, потому что он ей надоел и было противно. - Книгу на стол, и вон отсюда! Если еще раз увижу в магазине - отдам под суд. Это понятно?

Что-то такое, должно быть, было в ее голосе, что произвело на «искусственную собачку» впечатление, потому что, помотав головой из стороны в сторону, он вдруг запустил руку куда-то за шиворот, под тощий шарф, и выудил оттуда многострадальный второй том.

- Натя! - гавкнула «собачка» пискляво. - Забирайте! Только искусство, между прочим, принадлежит народу! Оболванили, обокрали, у нищих отобрали, а сами жируют, вона как!.. Цепных псов понабрали, камер понаставили! Мало вас передавили в семнадцатом году!

- Я не поняла, - перебила Марина. - Вы из идейных соображений, что ли, воруете? Вы Робин Гуд?

- Я простой советский человек! Я даже книгу вот не могу купить, воровать приходится! Ну, нету у меня денег, нету, а я читать хочу, читать!

- И непременно антикварные книги?! Или раритетные?!

Дяденька моргнул.

Если бы Марина была уверена, что он сумасшедший, она не стала бы с ним разговаривать.

Но он не был сумасшедшим. Наоборот, он был уверен в себе, негодовал вполне искренне, и казалось, что сам верит в то, что говорит.

– Отольется, отольется вам еще народное горюшко! Книги по семь тыщ, где это видано?!

– Разные есть книги. Есть по семьдесят рублей. А семь тысяч – это, кстати сказать, цена всего собрания, а вовсе не одного тома. Так что дали вы маху, да еще какого!

– Быть не может, – тягостно поразилась «искусственная собачка».

– Уходите, – велела Марина, на которую вдруг напала брезгливость. – Я вам серьезно говорю: если еще раз увижу, отдам под суд. У меня видео есть, на котором отчетливо видно, что вы воруете, и свидетель есть, который заметил, как вы Бальзака под мышку суετε.

Про свидетеля она придумала и о том, что именно видно на видео, тоже понятия не имела.

Когда охранник вывел дяденьку-борца-за-народные-права из ее кабинета, она, морщась, открыла все окна, села и пригорюнилась.

1993 год

Все было, как в кино.

По крайней мере, в жизни Марина ничего подобного не видела.

Ее магазин, ее любимое место, ее собственную территорию, которую она улучшала, поправляла, любила, на которую уходили все ее силы и деньги, и не только ее, но и Митины, – обокрали, да еще таким способом!..

– Марина Николаевна, что же делать? – все повторяла, как в бреду, молоденькая и не подготовленная к жизненным трудностям Маргарита, сотрудница отдела оргтехники.

Провались она пропадом, вся эта техника, ей-богу!..

– Марина Николаевна, но ведь все, все унесли, как же так?! Принтеров одних семь штук! Как же это так?! И еще телефоны только недавно привезли, немецкие, мне теперь голову оторвут...

– Никто тебе ничего не оторвет, – мрачно перебила ее Марина. – Если только я. Чтоб не рыдала. Если я оторву тебе голову, рыдать будет нечем.

– Как же мне не рыдать, если...

– Вот черт! Как это они охранную систему обошли, а? У нас же камеры стоят! – Сергей Иванович, совершенно растерянный, тоже смотрел на Марину вопросительно, как будто это она ограбила магазин и теперь давала мастер-класс по этому нелегкому, но интересному делу. – Как ты думаешь? И сигнализация не пикнула!

– Сигнализацию давно пора менять! – громче, чем следовало бы, огрызнулась Марина. – Я сколько раз говорила – это добром не кончится! Я и тебе говорила, Сергей Иванович, и Мите! Но меня ведь никто никогда не слушает!

Эта правда была правдой не до конца.

Ее муж все время твердил про сигнализацию, а она только отмахивалась.

Сигнализация – отличная штука, но вот сейчас стены поправим, чтоб не падали, потолок подопрем, чтобы не рушился, проводку новую проведем, чтоб не горела, а там и до сигнализации руки дойдут, дайте срок.

Вот и дошли!..

Первым дыру в полу обнаружил пришедший в понедельник на работу охранник. Он снял магазин с сигнализации, зашел внутрь, и вывороченные доски и поднятый паркет посреди зала его удивили. Некоторое время он заглядывал в дыру, как в подпол, обходил со всех сторон, свешивал голову и думал, что это все может значить. Или уже капитальный ремонт начался, директриса все про него талдычит? Или трубы прорвало, и в воскресенье, может, специальную

команду вызывали, вот она полы-то и вскрыла? Потом он дошел до секции оргтехники, где все было перевернуто вверх дном, еще немного подивился, а затем спохватился и вызвал начальство и милицию.

Первым приехало начальство, а милиция уже после.

Развороченная дыра в полу посреди торгового зала не давала Марине покоя. Она даже смотреть на нее не могла, словно на рану.

– Там без вариантов, – равнодушно сказал подошедший молодой мужик в милицейской форме. Марина не могла вспомнить, как его зовут, хотя он представлялся. – Через подвал зашли и полы подняли, видите, между перекрытиями. И все повynesли!.. Собачка, конечно, сейчас приедет, только, наверное...

– Что – наверное?! – Это Марина спросила, и Матвей взял ее за руку. Она высвободила руку. – Надо же искать!.. Во-первых, убытки какие, во-вторых, значит, таким образом кто хочешь может зайти и вообще все унести!

– Вот именно, – согласился равнодушный милицейский, – и зайти, и унести! Да вы не переживайте, может, собачка куда и приведет, только, скорее всего, она в переулок приведет, где машина стояла! Вряд ли они ночью столько барахла... то есть, извиняюсь, столько товара на себе перли!..

Рита из раскуроченного отдела оргтехники опять ударилась в слезы и отошла, чтобы директриса на нее не прикрикнула.

– А откуда они знали, что именно здесь перекрытий нет?! Там же монолитные плиты лежат! И как можно понять, где между ними есть промежуток?!

– Представляете они подкоп сделали, – объяснил милицейский, и Марина вытаращила глаза. О подкопах она в основном читала у Конан Дойла, а чтобы так проникали в современные магазины, никогда не слыхала.

– Из подвала соседнего здания прорыли проход в ваш подвал, – добавил милицейский хвастливо, как будто сам прорыл. – Должно быть, не один день работали! Соседний дом у вас на ремонте или как?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tatyana-ustinova/pereplety-v-zhizni>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)